

ЗАБЫТЫЙ КНЯЗЬ

ЮРИЙ
ТОРУБАРОВ

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Исторические приключения (Вече)

Юрий Торубаров

ЗАБЫТЫЙ КНЯЗЬ

«ВЕЧЕ»

2015

Торубаров Ю. Д.

Забытый князь / Ю. Д. Торубаров — «ВЕЧЕ»,
2015 — (Исторические приключения (Вече))

ISBN 978-5-4444-8369-5

Великий князь Московский и Владимирский Василий I Дмитриевич (1371–1425) был старшим сыном Дмитрия Ивановича Донского и правил Московским государством без малого 36 лет. При этом в отечественной истории о нем сохранилось очень мало сведений, а памятник – всего один! А ведь при Василии Дмитриевиче Московское государство расширило свои владения почти вдвое, замирилось и заручилось поддержкой Великого княжества Литовского, а ханы Золотой Орды лишь единожды покусились на Москву, да и то безрезультатно! И главное – никаких внутренних дразг и междоусобных конфликтов, на земле Московской наступили долгожданные мир и лад. В новом увлекательном романе известный писатель Юрий Торубаров воздает должное этому мудрому и дальновидному правителю, достойному наследнику победителя Куликовской битвы! Книга издается в авторской редакции.

ISBN 978-5-4444-8369-5

© Торубаров Ю. Д., 2015
© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	33
Глава 7	36
Глава 8	40
Глава 9	45
Глава 10	51
Глава 11	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Юрий Дмитриевич Торубаров

Забытый князь

© Торубаров Ю.Д., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2015

Сайт издательства www.veche.ru

Глава 1

Семен Рыло, здоровый, нескладный мужичище, отец жениха, вошел в избу, принес с собой клубы морозного дыхания.

– Ну, жметь, – побрякивая, он снял заиндевелый полушубок и повесил на большой гвоздь, торчащий в стене.

Потом подошел к печи, где на головешках весело пританцовывали языки пламени. Они, как бы подмигивая, звали к себе. Семен растопырил над ними руки с толстыми негибкими пальцами.

– Хорошо! – смачно произнес он и повернулся к столу.

За столом сидели несколько баб. Во главе – сваха. Полное румяное лицо хорошо скрывало ее годы. Только прядь поседевших волос, выбившись из-под пушистого дорогого платка, наброшенного на голову, говорила о том, что она не молода. Об этом же говорила и ее дородность. Но сваха об этом никогда не думала. Непревзойденная в своем деле, она была нарасхват.

Вот и Семену с его Пелагеей понадобилась такая мастерица. Их сын, Никифор, весь в отца, такой же рыжий и нескладный, достиг возраста, когда его родителям пора было думать о своем сыночке. В их большом селе, растянувшемся на всю излучину Оки, было много девок. Но мало кто заглядывался на рыжего нескладного парня. Зато он давно положил глаз на одну из них, Ольгу.

Рыло были земцы и имели какую-никакую, но свою селитьбу, а семья Ольги была из смердов. Поскольку село почти сплошь состояло из черных людей, Рыло очень гордились своим земством. Но судьба всегда старается уравновесить жизнь. Если одним оно посылает богатство, то другим посылает такое, что трудно выбрать: красоту, доброту и мягкость дочери, на которую не нарадуются родители, или кусок земли.

Трудно сказать, повезло ли семье Рыло выбиться в земцев или они взяли тяжелый грех на душу. Но разбогатели они таким образом. Семен, как и все мужики села, был охотником, благо жили в окружении леса. Однажды, зимней порой, гоняясь за подраненным сохатым, он услышал жалобный стон. Остановился, подумав, что сохатый от него все равно не уйдет, – следы по снегу не спрячешь, и стал внимательно осматриваться. Повторный стон привел его к сосне. Там он нашел скорчившегося человека.

Семен увидел, что душа едва теплится в его теле. «Что делать? Тащить до избы далеко. Да еще такой снег. Тут с ним возиться...» – Он пожал плечами.

– Слышь, хто ты будишь? – тряся его за плечо, спросил Семен.

В ответ раздалась непонятные звуки.

«Да... нести... а лось? За ночь от него только кости останутся. Да и человека вряд ли спасешь. Уж больно он... тово... Видать, не жилец», – успокоил себя Семен.

И стал раздумывать.

На груди незнакомца разошлась шуба. Он был настолько слаб, что не мог ее застегнуть. Семен попытался это сделать, но что-то мешало стянуть борта. Он засунул руку внутрь и наткнулся на какой-то узелок. Вытащив его, он развязал концы. Господи! Там были деньги. Семен быстро, как только позволяли его непослушные пальцы, вновь завязал узелок и, не раздумывая, сунул себе за пазуху. Пятясь и крестясь, он шаг за шагом отходил от незнакомца. Сохатого Семен нашел до темноты. Быстро его разделив, взвалил на свои могучие плечи чуть не всю тушу и отправился домой. Дорогу он выбрал другую, чтобы не проходить мимо сосны. Придя домой, Семен тяжело сбросил добычу и, ничего не сказав, прошел к себе. О своей находке не сказал даже жене.

Дождавшись весны, он, как и многие мужики, ушел в Рязань, наниматься на работу. Вернулся под осень. Но односельчане заметили, что Семен вдруг заважничал. «С чего бы это?» – говорили они меж собой. Однажды, подпоив его, выведали его тайну: он хорошо заработал и присматривал землю.

– Ну че, – сказали мужики, – повезло!.. Быват!

Вскоре он приоделся. Потом приглядел усадьбу. Все ахнули, когда Семен купил у боярина кусок земли.

– Тута чтой-то не то! – решил народ.

Но пойдя, узнай, что оно то. Семен оказался молчуном строгим. Даже Пелагея, и та ничего не узнала и дивилась наравне со всеми.

Семен, правда, как напивался, все бил себя в грудь:

– Грешен я, люди добры! Грешен!

А в чем грех, даже пьяный, не сознавался. Быть таким скрытным заставил его один случай. Проживал когда-то на селе один мужичонка, Кузьма. Вот этот Кузьма на глазах начал богатеть. Селяне к нему: дескать, как это?.. Тот, дуралей, все и рассказал. Мол, ехал он однажды с Рязани. Нужда приперла. А дело было зимнее. Он конягу остановил и стал у дороги место разгребать. Гребет ногой... и вдруг что-то мелькнуло, черное. Он хотел было плюнуть на это, в снег-то небольшая охота лезть ручищей. Но, подумав, полез. Бац! А это мошна чья-то. С деньгой! Вот и взял он ее. А слух об этом до Рязани докатился. Вскоре примчались два воина, подхватили беднягу под ручки. Связали и в сани бросили, объявив народу, что он убивец. Тот Богом клялся, что нашел. Да кто поверит! Увезли... и с концами. Нет, Семен не такой. Из него правду клещами не вытащишь.

Незаметно подрос Никифор. О том странном богатстве все уже забыли. Семен с Пелагеей стали думать, к кому посылать сватов. Да вмешался сам Никифор, сказав:

– Окромья Ольги, мне никто не нужен.

Отец было прикрикнул:

– Ты у меня смотри... выпорю!

Но сын, твердо посмотрев на родителей, заявил:

– Порки не боюсь. А ежели не Ольга, уйду, как Демьч ушел.

Демьч – сын соседей. Когда его решили женить и сосватали косую Мавру, он, ни слова не говоря, тихонько прихватив одежку, оставил отчий дом. Сколь его ни искали, так и не нашли. Эти слова возымели на Семена и Пелагею свое действие. Они испугались и начали искать сваху. Да такую, чтоб сватовство удалось. Ольга, зная себе цену, девкой была строптивой.

И вот счастливый для него день наступил. Сваха, немало запросив, сумела уговорить и родителей и дочь. Семен понял, что его приход оборвал рассказ раскрасневшейся свахи. Видать, Пелагея не пожалела браги, сваренной на свадьбу. Посмотрел, где ему лучше пристроиться. Увидев табурет под висевшей одеждой, взял его и притулился к стене. Сваха, зыркнув на хозяина масляными глазками, продолжила:

– ...и выбрала я место под матицей. Примета верная, задуманное сбудется. Села я под него и им говорю: с лица воду-то не пить, и ее красоту хвалить стала. А че за жизнь за смердом? Того и гляди хозяин прогонит. И куды они с детьми? А Рылы – семья справная. Все село скажет. Трудяги, не пьющи... ну только по праздникам. А сыночек – то высок, здоров. Хорошим хозяином будет. Ольгу любит, это важно. «Да ты откель знашь?» – спрашивает Гликерия. «Э, маманя! – говорю я. – Да кака я была бы сваха, если бы это не знала. На кой лях мне попусту языком молотить. Любит он, любит!» Да так сладко говорю, а сама повернулась к Ольге. Зарделась девка. Ну все! Попалась в мои сети. Вот так, Пелагея! Налейка еще, че-то во рту пересохло.

– И мне, – подал голос Семен, – чей-то с морозу колотить стало.

Выпив хорошую чарку, он поднялся.

– Вы, бабы, тово, болтать болтайте, да дело не забывайте. Завтра ж свадьба. Пелагея, ты квашню-то завела?

– Завела, завела! – замахала та руками. – Давай полезай на печь! Стой, – прикрикнула она, – мясо-то покрошил?

– А че я делал? – скидывая верхние портки, пробасил он и, подставив табурет, полез на полати.

Сквозь быстро навалившийся сон Семен слышал, как они начали обсуждать даваемое за девицей приданое: шубка крытая, плат... но сон уже овладел им.

А в конюшне собрались парни, друзья Никифора. Он стащил из дома небольшой бочонок с брагой да кусок сала. Ребята выпивали, закусывали и обсуждали невесту.

– Хороша девка! – заметил один из них.

– Все при ней! – смачно произнес другой парень, развалившийся на соломе, держа в руках недопитую чарку. – Смотри, Никифор, ой, увидуть!

– У мя-то? – басил тот. – Да я...

– А ты и знать не узнаешь. Бабы... тово, твари хитрючи.

– Буде об етом, – не выдержал Никифор, – пошли по избам.

Ребята поднялись. Перед уходом старшой остановился перед Никифором:

– Ты, тово, завтра получи оденься. На свадьбу идешь да и чеп ей понравился.

– Да она мя, рыжего, знает, – счастливо смеялся Никифор.

– Ето не то. Ты завтра особо ей должен понравиться. Учти. Она девка с норовом. За ней, как за пчелиной маткой, парни увиваются.

– Увиваются, а не женются, – заметил Никифор.

– Карманы у них худы, – бросил кто-то довольно зло.

И вот подошло завтра. Это был День святого апостола Андрея Первозванного. С утра даже потеплело. Потепление принесло с собой серые, грязные тучи. Не то небо не хотело этой свадьбы и всем своим видом показывало свое несогласие, не то еще почему-то... Кто знает? Несмотря ни на что, народ повалил к церквушке, что стояла на пригорке.

С утра старательно вымели двор. И он быстро заполнился народом. Всех он не вместил и оставшиеся вытянулись вдоль дороги с обеих сторон. Пацаны залезли на деревья. Они первыми и увидели процессию. Она начиналась от дома Рылы. Вышел жених в окружении дружков. Он на полголовы был выше их, одет в новую шубу, на голове – лисья шапка. Мелкий, липкий снег спрятал его обновку.

У дома невесты они остановились в ожидании. Тут топтались дудари, барабанщики. Так повелела невеста. Наконец двери избы открылись и вышла Ольга. Она была одета в тщательно латанную шубку, из-под которой виднелись полы цветастого платья, на голове – простая шапочка с венком из искусственных цветов. Но вид ее заставлял забыть и о поношенной шубке, и о подшитых валенках, и об искусственных цветах. Она смотрелась как царица. Высока, стройна. В больших выразительных глазах пряталось лукавство. На белоснежных щеках играл задорный румянец.

Увидев свою невесту, Никифор, похоже, растерялся.

– Ну, – толкнул его в бок дружка, – подходи, бери под руку, – шепнул он.

Тот несмело подошел, осторожно взял ее под локоток. В это время засвистели свистули, ударили в барабаны. Шум вспугнул собак, понесся их лай.

И вот процессия двинулась к церкви. По старому обряду молодых стали осыпать орехами. На счастье, на хорошую жизнь. Вдруг, перекрывая шум скоморохов, раздался другой, яростный, непонятный:

– А-а-а! Ур-рачх! А-а-а!

– Что это? – заволновался народ.

Кто-то бросил:

– Это соседи...

Но чей-то голос, звонкий и тревожный, перекрывший всех своим испугом, прокричал:

– Татары!

Вся процессия встала как вкопанная. Разглядев пришельцев, все завопили:

– Татары, татары!

Они скакали на маленьких лошадях в больших мохнатых шапках. Мужики бросились к ограде, выламывая жерди, бабы с криком и визгом бросились врассыпную. Ольга крепко схватила жениха за руку. Но тот, бледный, взглянул на нее ошалелыми глазами, взвыл, точно его ударили плетью, скинул руку невесты и с невероятной ловкостью бросился к плетню, перемахнул его и устремился через чей-то огород к спасительному лесу. Невеста от такого поступка Никифора растерялась и от испуга не знала, что и делать. Ей казалось, что ее ноги пристыли к земле.

А татары уже были рядом, плетями и саблями сбивая людей в кучу. Кто-то пытался сопротивляться. Плеть или сабля ломали этого человека. На колокольне зазвонили колокола. Они породили надежду: люди услышат и придут на помощь. Но меткая стрела какого-то татарина вонзилась в смельчака. Руки тотчас ослабли, и он полетел наземь. Наступившая тишина только добавила страха. Бабы вновь завывали. Но их быстро успокоили. Кто не поддавался, того острая сабля заставляла замолчать.

Мать Ольги загородила ее собою и развела руки.

– Не трожь, гад! – вопила она.

Но небольшой татарчонок так ожег ее плетью, что она упала на дорогу. Он же подхватил растерявшуюся невесту и, бросив ее поперек конской спины, хлестнул ногой. Конь понесся вперед с бешеной скоростью.

Когда Ольга пришла в себя и огляделась, то увидела, что ее вывезли за околицу. «Зачем?» – испуганно подумала она. Увидев пригнанных туда же односельчан, немного успокоилась. Татары сбили их в кучу и стали отделять женщин от мужчин. Мужчины, опустив головы, стыдливо переходили на другую половину.

Как потом оказалось, это было одно из первых нападений татарского князя Едигея, который начинал завоевывать себе авторитет. Он напал на Русь после знаменитого похода татарского хана Тохтамыша.

Отделив мужиков, под бабий вой, их погнали куда-то в степь. А женщин, как дрова, уложили в розвальни, покрыв их старой кошмой. Татары подняли крик, и караван тронулся в неизвестность.

Глава 2

Великий московский князь Димитрий Иоаннович, натянув сапоги, встал и потоптался на месте, проверяя, не жмут ли они ноги. Но все было ладно, и он вытянул руки, показывая тем самым, чтобы служба набросил ему охабень. Выйдя на крылец, он полной грудью вдохнул теплый весенний воздух.

Весна была в разгаре, обнажая до боли в сердце скрытые под снегом раны, нанесенные прошлогодним набегом Тохтамыша. Сразу после его ухода застучали топоры, Московия отстраивалась заново. Но мал был еще срок, и пришедшая весна ясно говорила об этом.

Весело журчащие ручьи заставили службу подвести коня к самому крыльцу. Негоже великому князю ехать в грязных сапогах. Проезжая кремль, он видел, что здесь быстро справлялись с последствиями пожарища. Но когда выехал за ворота, то перед ним предстала иная картина. Посад еще чернел. Он напоминал муравьиную кучу. Люди сновали туда-сюда, таща бревна. Видя князя, люди приостанавливали работу, снимали шапки, кивали головами, приветствуя Димитрия Иоанновича. Он отвечал им тем же. Подъехал к месту, где на очищенную землю мужики укладывали толстые листовенные бревна.

– Как дела? – не слезая с лошади, спросил князь.

– Да вот... начали, – ответил один из них, выпрямляясь.

– Че поздновато? – спросил он.

– Да только недавно деньгу получили. А задарма хто те лесу даст?

Брови князя сошлись на переносице. Он ничего не сказал, только слегка прищипорил лошадь. Его волновала Кузнечная слобода. Татары сожгли ее подчистую.

Князь дал дьяку по имени Внук хорошую деньгу и велел раздать тем кузнецам, которым удалось спастись. А за теми, кого угнали татары, он велел боярам, когда начнется судоход, плыть в Сарай и выкупать, и в первую очередь мастеровых.

На одном из пригорков, не доезжая до слободы, князь задержался. В Неглинку стекалось бесчисленное количество ручейков, которые быстро наполняли речку. Того и гляди она выйдет из берегов.

– Вот она, жизнь! – проговорил князь.

Сопровождавшие его, не поняв, начали спрашивать:

– Че ты сказал, великий княже?

Димитрий повернулся к ним и ответил:

– Гляжу на Неглинку и вижу, как она заполняется водой. Того и гляди, выйдет из берегов. Так и в жизни: если люди из княжеств будут бечь, оно оскудеет. Если будут прибывать, вот как эти ручьи, оно будет силу набирать, мощным станет. Беречь надоть людей, чтоб они к этой земле тягу имели. Надоть вернуть тех, кого татарин увел.

Дьяк Внук сказал:

– Так, великий княже, мы деньгу сбивали, чтоб, как реки откроются, ехать в Орду вертатъ наших людей.

– Ладьи, дьяк, готовь. А-то реки готовы будут их принять, да принимать неча будет.

– Строим, княже, строим, – ответил Внук и добавил: – с зимы начали.

– Но-но, – проворчал князь и стегнул коня.

Ему пришлось подниматься вверх по течению, где сохранился мосток.

Въехав в слободу, князь спрыгнул с коня и, шлепая по талой воде, пошел по улице. Дойдя до первого дома, вернее, до того, что от него осталось: печь с трубой и чернота вокруг, он увидел, как мужик и парень сгребают золу в кучи.

– Бог в помощь, добрые люди, – сказал, подходя к ним, Димитрий.

Те, увидев князя, побросали работу. Вытирая пот со лба, мужик ответил:

– Будь и ты, княже, здоров.

– Че так поздно? – спросил князь.

Мужик усмехнулся:

– А хде, княже, твоя обещана деньга? Я на че строить буду? Кузни нетути, дома тож. Как прикажешь жить? Пошто Москву сдал? Сам сбега, а нас бросил. Вот и копаемся, как черви в дерьме.

От этих слов князя передернуло, но он не стал оправдываться, почему так получилось.

– Внук! – грозно позвал он дьяка.

Когда тот подбежал, он взял его за грудки:

– Я те че говорил? Кому в первую очередь деньгу давать?

– Масте...

Но князь не дал ему договорить, а встряхнул так, что тот едва удержался на ногах.

– Князь! – взмолился Внук. – Щас поправлю. Но всех ж не упомнишь. Тама, – и показал рукой на кремль, – пока сидишь, с ума сходишь.

– Чтoб с его сойти, надоть его иметь, – уже успокоившись, проговорил князь. – Немедля дай ему десять, нет, пятнадцать рублей. Пушай быстрее отстраивается. Успеешь? – Князь повернулся к кузнецу.

– А то... – ответил тот, принимая от дьяка деньги.

– Приезжай, княже, в гости через пару месяцев. А за мои слова прости. Ето я так, со зла. Обещали... а я их не получил. Вот душа-то и закипела.

– Ниче, только не забудь, как мне сказал: через два месяца на новоселье приеду. – Князь посмотрел на него подобревшими глазами.

– Приезжай, княже! Встретим хлебом-солью! – и низко поклонился.

Затем князь направился в село Семчинское. Его жгли и посаженные и посадившие. Но, к удивлению князя, новых изб здесь было много. Он остановился у ворот, где мужик в одиночку пробовал навесить створку ворот. Князь быстро соскочил с коня и, подойдя, сказал:

– Дай, помогу.

Тот ничего не ответил, только уступил место. Когда створка оказалась на месте, хозяин повернулся к Дмитрию:

– Спас... Княже! Прости, великий княже, что сразу-то не признал. Богатым будешь, – уже кланяясь, промолвил он.

– С таким буду, – весело ответил Дмитрий. – А че один? Че, сыновей нету?

– Были... – Мужик тяжело вздохнул.

– Прости! – князь потрепал его за плечи. – Че, и бабы нету? – поинтересовался князь.

– Баба естить, да она... тово... брюхата. Куды ей!

– Вот молодец, – князь хлопнул его по спине. – Эй, – он повернулся к свите, – Внук, дай-ка ему пять рублей на обзаведение.

В Напрудском тоже шла стройка. Это подняло настроение князя.

В таком приподнятом настроении под вечер он возвращался домой. Но то, что он увидел у себя на дворе, враз испортило ему все настроение. Двор наполовину был занят татарскими воинами.

– Че ето тако? – грозно крикнул Дмитрий.

Какой-то служка, пробившись сквозь татар, крикнул:

– К те, великий князь, посол из Орды.

Князь плюнул и вполголоса проговорил:

– Етого еще не хватало.

Он двинул коня на толпу. Татары, почувствовав в нем хозяина, быстро расступились.

Посол был уже в хоромах, в светлице, где его принимала княгиня Евдокия.

– А мы тя заждались, – проговорила она, поднимаясь, – ух, устала я от евто, аж голова разболелась.

Проходя мимо князя, шепнула:

– Ой, боюсь, лют он. Ты с ним полехче!

И, улыбнувшись на прощание послу, скрылась за дверью.

Посол представился. Звали его Тудай. Он мило улыбался, и у Дмитрия даже появилась мысль: с чего ето княгиня так о нем? Князь осмотрел стол. Он был беден.

– Эй, – рывкнул он так, аж задрожали стены, а посол съежился.

Тотчас открылась дверь, появился служка.

– Прикажи подать на стол... да живо. И чтоб кумыс был да арза с медком. И конины чтоб несли.

Посол, видать, хорошо понимал по-русски. Начало встречи ему понравилось. Князь не кичился, делал все от души.

Когда у обоих покраснели лица, раздобревший посол наклонился к князю и сообщил, что тверской князь с сыном Александром прибыли в Сарай добиваться великого княжения Владимирского. Это была важная весть.

– Ишь, ушлый какой! – проговорил князь, не подавая вида, что эта весть его взволновала. – Крался, как тать какая. Ну... ничего. И мы не лыком шиты. Спасибо те, Тудай, за эту весть – он встал, подошел к отдельно стоящему столику, достал из ящичка большую золотую с камнями брошь и подарил татарину.

Тот, глядя на нее жадными глазами, раздобрился совсем.

– Те, князь, ехать в Орду. Великий хан тя уважат.

– Уважат! – как-то двусмысленно произнес князь. – Я подумаю, кому ехать. Сын у мня, Василий, уже здоров малый. Пушай учиться. Я ету учебу пацаном проходил.

– Да-да, – закивал посол.

Его согласие было важно для Дмитрия. Посол долго не задержался. Объявив, что Тохтамыш будет требовать дань, он отправился в Суздаль.

После его отъезда князь собрал бояр и рассказал о поступке тверского князя, о том, что Тохтамыш будет брать с них дань, и о необходимости ехать в Орду. Услышав о том, что в Орде Михаил Тверской, бояре зашумели. Послышались голоса: «Ишь, подлец, пользуется нашей слабостью. Да его за это...» Князь поднял руку, шум стих.

– Мы не слабы, – сказал он, – но час расплаты еще не настал. И я решил, – продолжил князь, – что в Орду поедут Василий, Федор Кошка, Иван Квашня, Всеволож Дмитрий, Данило Бякота да Андрей Серкизович. Блюдите Василия, но сильно не опекайте. От малых бед его не сторожите. Пушай учиться. И еще. Внук, – и повернулся к дьяку, – дашь денег на выкуп наших людей. Особливо смотрите мастеровых. Берите не только наших.

– Когда отправляться, великий княже? – спросил Федор Кошка, почувствовав, что князь высказал главное.

– Как только пройдет лед. А ты, – он опять посмотрел на Внука, – побеспокойся насчет лодий.

Князь видел, как заблестели глаза сына Василия от радости, и он еле сдерживал себя, чтобы не броситься отцу на шею. Подметив это, Дмитрий Иоаннович радовался: сын не уходит от дел, желает их познать!

Весна отзвенела быстро. Два-три хороших теплых дождя – и южные склоны уже стали приобретать изумрудный цвет. И люди спешили выгнать на них застоявшийся скот. В один из таких дней Дмитрий решил съездить во Владимир, где готовили лабди для отплытия в Орду. Взяв сына и кое-кого из бояр, через пару дней были на месте и сразу же направились к месту, где находился подготовленный к отплытию флот. Там их встретил Внук, вокруг

которого толпились мастеровые. С крутого берега было видно, как на речной волне легко покачивались выстроенные в ряд одномачтовые лодии. За ними приютилась пара паузков.

– А это зачем? – показывая на паузки, спросил князь.

– Да, так... – улыбаясь, ответил Внук, – на всякий случай. Они по мелкоте работают.

– А-а-а, – непонятно протянул князь, но потом добавил: – Они купцам в нужде.

Внук ухмыльнулся:

– Могут сгодиться. Княжич же плывет.

Димитрий ничего не сказал.

Спустившись к берегу по мосткам, князь и бояре прошли на судно, на котором должен был плыть Василий. Сразу бросилась в глаза хорошая, чистая работа: все подогнано, постругано. Осмотрели каюту. Лежак для княжича был выполнен с дугообразным ложем.

– Это, чтоб ты куды не закатилси, – смеялся князь, глядя на сына.

Едальня была попросторней. Посредине стоял стол с шестью ослонами. Все намертво вбито в пол. Осмотрев все, князь повернулся к Федору Кошке:

– Ишь, как у ево. А я порой настилом обходился.

– Великий княже, жисть на месте не стоит, – ответил тот, – когда-то кремль был деревянным, а ты сделал его каменным. Так-то.

Князь попробовал было, по привычке, выдвинуть ослон, но ему это не удалось. Протиснувшись, он уселся и показал пальцем Внуку, чтобы тот сел напротив.

– ...ето... как его... – Князь обернулся на толпившихся у прохода людей.

– Шкипер, что ли? – подсказал кто-то.

– Во! Во! Шкипер, – проговорил князь, – кто будет?

– Эй, Нил, – позвал Внук, – ходи суды.

Бояре расступились, и перед князем остановился среднего роста человек. Князю понравился серьезный и умный взгляд его серых глаз. Густая прядь русых волос прикрывала высокий лоб.

– Слушаю, великий княже.

– Ты... давно... э...

Тот понял, чего хочет от него князь, едва заметно улыбнулся и ответил:

– Я на воде с мальства. Батяня мой был речным человеком и мя приучал.

– Ето хорошо! – обрадовался князь и показал на ослон рядом с собой. – Садись.

– А кто строгал ету ладью? – спросил князь, глядя на Внука.

Тот опять кликнул:

– Эй, Прокл!

Вошел здоровый мужичище. Ему пришлось наклонить голову в дверях.

– Слухаю, великий княже, – проговорил он, оставаясь в чуть согнутом положении.

– Сидай, – приказал князь, усаживая его рядом с Нилом.

– Хорошо сделано, – одобрил князь, обводя глазами едальню.

– Старамся, княже. Хотим, чеп иноземец, увидя наш труд, весьма дивилси.

– Во как! – удивился князь. – А ты откель их знашь?

– Видывал я их. Мня твой батюшка, Иваныч, в Сарае у татарина выкупил. Тама я всяких повидал.

Князь вздохнул. Потом неожиданно хлопнул ладонью по столу:

– А пошто тута пусто? Хочу хороших людей угостить.

Сразу же появилась брага, медок, закус. Князь сам налил Нилу и Проклу по чарке. Прокл взял ее в свои ручищи, и она исчезла. Князь, заметив это, приказал:

– А ну дайте бадейку для Прокла.

Тот, довольный, хохотнул. Вскоре появилась полуведерная глиняная корчага. Князь налил в нее брагу и пододвинул к Проклу.

– Ето по нам, – обрадовался он и взял корчагу.

Князь налил себе, поднял чарку и проговорил:

– Я хочу выпить за наш русский народ, который может драться за свою землю, может и хорошо работать, утирая нос иноземцу. – И посмотрел на Прокла.

– И утрем, – пробасил тот.

– За наших, – продолжил князь, – шкиперов! За вас, русские люди! – и осушил чарку.

Закусив, князь поднялся и обратился к дьяку:

– Внук, поклонись от меня всем, кто строил эти лодии. Пущай выпьют, и от меня подели им пятьдесят рублей, – и протиснулся на выход.

Отплытие должно было состояться через несколько дней. Стражей командовал воевода Михайло Акинфович. Провожать отъезд во Владимир собралось пол-Москвы. Как же пропустить такой момент? Если раньше это было обычным делом, а теперь, после Куликова поля и Тохтамышева нашествия, как встретят там русских посланцев? Уж не на смерть ли послан княжич? Как не поглядеть на него. Небось дрожит от страха.

Но нет, княжич выглядел таким молодцом, с него хоть картину пиши.

– Беды не чует, – говорили одни.

– Смотри, каким смелым и отважным выглядит князь, дай бог ему удачи, – говорили другие.

Действительно, Василий выглядел хорошо. С матерью, которая своими слезами вызвала и у сына слезы, он простился в родных стенах. Ну а выйдя на крылец, он все тревоги оставил за спиной. На коня садился стройный, высокий и довольно красивый княжич. Первая растительность, пробившаяся на его лице, придавала ему суровость, а блеск в глазах говорил о его могучих жизненных силах. Девчата, поглядывая на княжича, стыдливо улыбались и прятали лица в плечах подруг. Его их взоры не трогали. Это было видно по его безразличному, спокойному взгляду. Его думки направлены были на то, как он справится с ответственным поручением великого князя.

И вот наступил день отплытия. Все было готово. На пригорке, у спускового настила, стояла группа священников. Они пришли благословить отбывающих в дальний путь.

Отец и сын прыгнули на землю. К ним подошел епископ и благословил княжича. Дмитрий обнял сына и трижды поцеловал его, сказав:

– Ступай с Богом! – И освободил ему путь.

Василий легко сбежал вниз, по трапу прошел на ладью. Держась за борт одной рукой, другой послал крестное знамение отцу.

Дмитрий долго смотрел вслед удаляющейся флотилии. Он сел на коня только тогда, когда она скрылась за поворотом. Тихонько направив лошадь по дороге, он мысленно стал обдумывать поездку сына: чему наставлял его, как учил вести себя, что наказывал боярам. И успокоился, сказав себе, что наказы сделал верные.

Долго думать об отъезде сына не пришлось. Надо было скорее возвращаться в Москву. Его ждал с вестями вернувшийся с запада купец Игнатий Елферьев. За прошедшие годы, когда сопровождал Пожарского и его друзей во Францию, он сильно изменился. Погрузнел, в волосах появилась седина, а под глазами – морщинки. Великий князь знал его, ценил за торговую хватку. Поэтому, увидев его, обнял и повел к себе.

Глава 3

Витовт сбежал из плена своего двоюродного брата великого литовского князя Ягайло. Взбешенный Ягайло, узнав об этом, приказал послать за беглецами погоню и схватить в Троках единственную, оставшуюся в живых, дочь Витовта, Софью. Два его сына недавно скончались один за другим. Врачи констатировали отравление. Кто это мог сделать, нетрудно догадаться. Чтобы ему предъявить претензии, нужны были доказательства. Но кто будет их искать, если заинтересованное лицо само было обвинено в преступлении?

Бежавший Витовт скрылся в неизвестном направлении. За короткое время, меняя лошадей, он достиг Слонима, оттуда отправился в Брест, а на пятый день был уже в Плоцке. Ягайло скрипел зубами, метал громы и молнии, но ничего сделать не мог. Он хорошо знал военные способности Витовта и понимал, что он стал ему самым опасным врагом. Пока в его руках будет дочь Витовта, его угрозы Ягайло мог не бояться. И приказал не спускать с нее глаз.

Но он знал, что Софья пошла в деда. Такая же неумная, настойчивая, готовая постоять за себя. С нею, как с ее братьями, не расправишься. Если Европа не заметила смерть ее братьев, то Софью ему не простят. Тем более она славилась своей красотой. И многие знатные особы, включая королей, не прочь были заполучить ее для своих сыновей. Ягайло хорошо это знал и обдумывал, как бы понадежнее для себя выбрать ей жениха. Но когда до него дошла весть, что Витовт находится в Плоцке, ему стало ясно, что он недосягаем, надежно защищен рыцарскими мечами.

И его думы приняли другое направление. Он понимал, что его решение в отношении Софьи было правильным. Теперь Витовт задумается о своих действиях против него. Потерять дочь он вряд ли захочет. Но понимал и другое: находясь в стане его врагов, а тевтонцы были таковыми, Витовт ведет с ним торг. Чего они от него потребуют и согласится ли на это Витовт, был вопрос. Но... какой бы ни был расклад, ожидать от такой ситуации чего-то хорошего не приходилось. «Надо искать союзников», – решил он. И на всякий случай приказал разместить Софью в среднем замке. Чтобы постоянно была на его глазах.

Ягайло получил письмо от Витовта. Тот писал: «Брат, я знаю, что моя дочь находится в твоих руках. Если с ее головы упадет хоть волосинка, уничтожу не только тебя, но и весь твой поганый род». Прочитав, Ягайло бросил письмо в камин. Огонь жадно схватил его, свернул трубочкой и вскоре от него остался один пепел.

Вскоре пришло второе письмо. На этот раз от великого магистра Конрада фон Цольнера. Он писал, чтобы Ягайло позволил Кейстутовичу возвратиться в Литву и вступить во владение своей вотчиной. Прочитав, Ягайло швырнул письмо на стол и стал ходить по кабинету, как тигр в клетке. От четко себе представил, что вернувшийся Витовт немедленно соберет войско и, влившись в ряды тевтонцев, двойными силами двинется на него. Значит, войны не избежать. И стал собирать войско.

Об этих вестях и поведал Димитрию купец Игнатий. Великий князь даже не поверил услышанному. Он знал, что Ягайло очень хотел помочь Мамаю. И только благодаря Пожарскому это не удалось. «Безусловно, – думал князь, – Ягайло, зная о той кровавой битве, отлично понимает, что силы Московии сильно подорваны. И он не исключал, что литовец может нагрянуть. А тут такая весть...»

– А ты, брат Игнатий, ничего не попутал? – спросил князь, пристально глядя на купца.

– Великий князь, обижаешь. Я глухим никогда не был. Все под чистую узнал. Скажу больше. В Вильне я продал дочке Витовта Софье жемчужное ожерелье. Девка, я скажу, великий князь, просто загляденье. А этот Ягайло держит ее, точно каку воровку. Вот так.

– Ну, если такое дело... – Князь поднялся, подошел к столику и, выдвинув ящик, достал небольшой кошель.

Подойдя к купцу, положил его перед ним.

– Возьми за свои труды, – предложил Димитрий.

– Нет, великий князь, – Игнатий отодвинул кисет, – пушай эта деньга пойдеть на помощь сирым людям.

Князь проводил купчину до самого крыльца, чего прежде никогда не бывало, и тепло простился с ним.

Вернувшись к себе, Димитрий задумался. Куликовская битва, нашествие Тохтамыша сильно расстроили государственную жизнь княжества. Много времени пришлось уделять возрождению воинства, ликвидации последствий татарского нашествия. И события на западе выпали из поля зрения князя. Сообщение Елферьева пробудило у князя интерес к тем землям. Раньше этим занимался Федор Кошка. Занимался неплохо. Но вот эти события...

«М-да-а, – в задумчивости произнес князь, – кого? Може, попробовать Владимира Даниловича Красного Снабдю? Эх, нет Бренка! – вздохнул Димитрий, с тоской вспомнив своего погибшего друга. – Эх, Федор, Федор, чо ты никого не оставил?» – досадливо подумал князь. И тут его мысль невольно перебросилась на Василия: «Что-то с вестями задерживается. По срокам они должны уже быть в Орде».

Как только прибыл Василий в Сарай, Федор Кошка тотчас отправил в Москву гонца. Ордынцы еще издали заметили, как к их берегам подходит довольно внушительная флотилия лодий. Особый интерес вызывала первая ладья. Она была значительно крупнее, под большим парусом и с конской головой на носу. Ход у нее был хороший. Острый нос заставлял воду бурлить и разбегаться волнами до самых берегов. Но при приближении к городу парус убрали и перешли на весла. На носу ладьи матрос веревкой с грузилом беспрерывно замерял глубину. Это было интересно. Сараевцы видели такое впервые.

Матрос – это название людей, трудящихся на судах, принес в Московию купец Игнатий Елферьев, часто бывавший на западе, где встречался и с немцами, и с голландцами, от которых и прослышал такое слово – что-то закричал, весла подняли, и в воду с грохотом сбросили тяжелые грузы. Ладья дернулась и застыла. Вскоре к борту этой ладьи подошел один из паузков, на него спустилось несколько человек.

Когда он пристал к берегу, с него прыгнул немолодой высокий человек. Он внимательно оглядел берег. Не заметив ничего подозрительного, обернулся и махнул кому-то рукой на паузке. На землю прыгнул молодой, крепкий парень. Легким движением руки он отбросил назад свои темно-каштановые волосы, открыв высокий чистый лоб. Волосы, спадавшие чуть ли не до плеч, красиво окаймляли его голову, а неокрепшая борода делала лицо старше его лет. Темно-карие блестящие глаза жадно смотрели на открывшую перед ним панораму.

Поднявшись наверх, княжич увидел вдали город, который, как лицо знатной турчанки, был прикрыт легкой синеватой кисеей. Но сквозь нее отлично просматривались золотистые купола, крыши, покрытые красной черепицей, белоснежные стены домов. Стояло уже лето, и парень был одет по погоде. Белоснежная рубаха, расстегнутая на груди. Легкие шелковые шаровары, заправленные в сафьяновые сапоги. На суше было гораздо жарче, чем на судне. Река делилась прохладой. В первое мгновение он не очень ощутил разницу в температуре.

Пока Василий разглядывал чужую для него землю, с флотилии высаживались люди. Первым вступил на землю боярин Федор Кошка. Подозвав службу, он приказал ему найти лошадей, чтобы добраться до города. Их искать не надо было. Извозчиков было столько, что могли перевезти армию, а не только группу людей. Рассадив команду, Кошка спросил у извозчика, знает ли он, где расположены московские хоромы.

– Моя знаит все, – ответил тот, улыбаясь во все широкое лицо.

Эти хоромы были отстроены еще по приказу великого князя Александра Невского, которому дал на это разрешение сам Батый. Потом все ханы смотрели на эту вотчину как на что-то священное для них. Лес возили с вятских лесов, и хоромы строились с размахом. Со временем почернели могучие сосны, просели стены. Слегка покосилась ограда. Но все же хоромы производили впечатление старого, погрузневшего богатыря, который еще сохранил в себе частицу былой мощи.

Когда вошли внутрь, в нос ударил запах затхлости. Давно не топились печи, и дух жилого со временем выветрился. Кошка занялся растопкой печей. Вскоре над хоротами показался дымок. Жизнь входила в старое жилье. Первый обед был как праздник. Во двор вынесли столы, составив их в один общий. Вытащили старые, покрытые пылью времен, чаны. Затрещали костры. Запахло жареным мясом. Прикатали и бочки с брагой. Заперев крепко ворота, начали бражничать. Но перед этим все сходили в церковь поблагодарить Господа Бога за то, что удачно добрались до места. Просили помощи и в дальнейшем.

Великий хан не торопился с приглашением к себе прибывшего московского посланца. Пришлось ждать. Пронырливый Кошка не сидел сложа руки. Он узнал, что здесь, в ханской столице, находятся несколько русских князей со своими просьбами и мольбами. Помимо Михаила тверского и его сына Александра в Сарае находились: княжичи Василий Дмитриевич Кирдяпа и Семен Дмитриевич – сыновья нижегородского князя Дмитрия Константиновича; брат Дмитрия Константиновича Борис и Родослав, сын рязанского князя Олега. Несмотря на мамаево поражение, Орда своего значения еще не потеряла и была достаточно сильна. Это показал поход Тохтамыша на Московию и взятие столицы. А поэтому русские князья шли в Орду с разными просьбами.

Узнав об этом, Кошка насторожился. Он знал, что в душе все они не любят московских князей, которые их прижимали. Находясь вдали от родной земли, могли сделать что угодно. Поэтому Кошка просил Василия не покидать по возможности родных стен, а воеводе наказал следить за каждым шагом княжича.

Но пока Василия не очень расстраивало, что хан его не принимает. Ему было интересно все: и большой красивый Сарай, его жизнь, шумные базары. На базары они пошли в первую очередь. И не зря. На рынке, где торговали рабами, они успели застать многих москвитян, среди них потомков довольно известных мастеров. Там они выкупили Парамшу, дед которого, тоже Парамша, был золотых дел мастер. Внук пошел по его дороге. А еще гончаров, киверников, иконников. Брали и других. Как и приказал князь Димитрий, денег не жалели. Потом это обернулось им, особенно Василию, огромной неприятностью. Но это случилось потом. А пока княжич изучал их прекрасные дворцы, церкви, мечети...

Когда новизна потеряла свою привлекательность, Василий почувствовал, как смутное чувство тревоги стало захватывать его. Уже не так притягивали дворцы и рынки. Чаще начал вспоминать родной дом и наседать на Кошку, чтобы тот что-то делал для встречи с ханом.

И вскоре все решилось. Что было причиной, трудно сказать: не то сработала пробивная сила Кошки, не то хан сам решил, что дальнейшее испытание терпения княжича может только навредить его задумке, которой он ни с кем не делился. А прицел его был и великим и очень опасным. Он понимал, что для этого ему нужны союзники, и в этой роли он видел Московию как ближайшего и самого сильного соседа.

И Василия пригласили к хану. По этому случаю служки достали из сундуков дорогое княжеское одевание: корзно с цветным подбоем и золотой запоной с отводами, кафтан ниже колен, золотой пояс, остроносые сапоги, шапку с подбоем и опушкой. У всей одежды воротники, рукава, подолы и края были расшиты золотом.

Хан принимал княжича во дворце, построенном на месте бывшего шатра и напоминавшем его своей архитектурой. Дворец был из белого камня. Края крыши, двери, рамы – все позолочено. Для приема гостей во дворце соорудили специальный зал – огромное поме-

щение с дугообразным потолком и длинными, узкими окнами. Пол и часть стен покрыты шкурами. Только дорожка к трону, как и площадка перед ним, выложена из нежно-голубых керамических плиток. Позолоченный трон стоял на возвышении.

Тохтамыш встретил гостя умным, пронизывающим, суровым взглядом черных, как уголь, глаз. Хан по своему разумению знал, что русские князья не принадлежат к числу великих правителей вселенной. Сам же он очень гордился тем, что в его жилах течет кровь Чингисхана. Он презирал тех татарских правителей, у которых ее не было. Так он относился к своему спасителю Тимуру, который его, Тохтамыша, нищего потомка великого хана, сделал кипчакским ханом. Возвышение безродного Мамай тоже не давало ему покоя. Мамай, наголову разбитый русскими, стал еще и добычей поджидавшего такой момент Тохтамыша. Но Мамаю удалось бежать в Крым, где он нашел покой. А Тохтамыш гордо взошел на трон своих предков. Лицо повелителя не имело чисто татарских черт. Видна была помесь татарина и узбека. Оно было несколько удлинено, только разрез глаз говорил о том, что он сын степей.

Как ушли в прошлое шатры, на смену которым пришли дворцы, так теперь перед встречей с великим ханом не надо было ходить около куста, кланяться солнцу, луне, земле, дьяволу, умершим предкам ханов. Теперь гостя встречали два огромных тургауда и, встав по обе стороны, вели на прием. Перед главным залом гость должен был снять обувь и надеть мягкие кожаные чуваки. Войдя, низко поклониться. Поклониться надо было и подойдя к трону.

Василий, как было положено, остановившись перед троном, низко склонил голову. Выпрямившись, встряхнул головой, убирая упавшие на лицо волосы и, смело глядя в глаза хана, заговорил:

– Позволь мне, великий и почтенный, приветствовать тебя, поднявшего с земли знамя великого Джихангира. Да окажет тебе помощь и любовь всемилостивый творец всего сущего, да будут годы твои наполнены слезами врагов твоих и радостью твоих друзей. Да будет жизнь твоя долгой и счастливой во имя Аллаха, милостивого и милосердного! – сказав, Василий еще раз поклонился и отступил на шаг назад.

Слова княжича, сказанные голосом приятным, исходящим из сердца, растопили лед в груди повелителя.

– Как поживает великий московский князь? – спросил хан, не спуская взгляда с княжича.

– Мои слова – слова великого московского князя, – ответил Василий.

Мурзы, толпой стоявшие вокруг трона, переглянулись между собой. Как это он объявил Дмитрия великим князем? Тут же находится Михаил, который тоже претендует на этот ярлык. Он живет здесь не один месяц. И хан ему пока не отказал.

Чуткий и осторожный Тохтамыш уловил это настроение. Немного ругнул себя за эту поспешность, уж очень по душе пришлись слова молодого князя: «Поднятое знамя великого Джихангира». Давно уже никто не говорил так. «А он поднял меня до его уровня». Но уловленное им неудовольствие его князей тоже нельзя игнорировать. И хан нашелся.

– Сегодня, дорогой княжич, наша действительность меняется, как осенний день. Недостойный Мамай, – это слово он произнес с презрением, – тоже называл себя великим. А чем закончил? Поэтому судьба ярлыка пока не определена.

– Дозволь мне, великий хан, в знак благодарности за твою любовь к моей дорогой земле поднести тебе наш княжеский дар! – сказав, он хлопнул в ладоши.

В зал вошли люди с сундуками. Они вытаскивали из них переливающиеся серебром шубы, холсты из паволоки, позолоченное оружие, драгоценные камни в разукрашенных кошельках, дорогие ожерелья. Из всех подарков Василий взял парчовую, шитую золотом, мантию, подбитую горностаем, и положил с поклоном на колени хана. Тот не мог скрыть своего восторга и каким-то победным взглядом посмотрел на окружающих его князей. На их

лицах застыла подобострастная улыбка. И только один князь Едигей, недавно перешедший на сторону Тохтамыша, двусмысленно улыбнулся. Василий же, понимая ценность подарка, ничего не сказал, а молча вернулся на свое место, демонстрируя тем скромную почтительность. Едигей шепнул стоящему рядом мурзе:

– Умен, собака! – и показал глазами на Василия.

Мурза ничего не ответил. Он, вероятно, посчитал, что рабская кровь заставила того это сделать.

Глаза хана заблестели. Он повернулся к визирю:

– Я думаю, ты не удержишься с написанием.

– Как будет угодно, великий хан, – ответил тот.

Но тут к хану подошел один из мурз и что-то зашептал ему на ухо. Когда он закончил говорить, лицо хана потеряло милостивое выражение.

– Скажи мне, князь, – не очень любезно спросил он, – много ли рабов вы выкупили?

Этот вопрос застал Василия врасплох. Но он быстро сообразил, что хану сказали, и не стал выворачиваться и униженно отвечать. Приняв безразличное выражение лица, он равнодушным тоном произнес:

– Да, мои бояре кого-то покупали.

Мурза испугался, что хан примет такой ответ за чистую монету, не выдержал и опять подскочил к нему.

– Сколько? – вырвался удивленный вопрос.

– Больше двухсот человек, – ответил мурза.

Глаза хана расширились.

– Слышал? – глядя на Василия, спросил хан.

– Слышал, но не понял, – ответил княжич.

– Двести! – произнес хан по-русски. – Значит, деньга у вас есть!

– Да откуда? – Василий разгадал хана. – Когда... вы захва... – Он осекся и поправился: – Гостили в кремле, твои люди, великий хан, нечаянно забрали всю княжескую казну.

– Значит, не всю. – Хан загадочно улыбнулся. И добавил: – Решим так: ярлык твоему отцу, князю Димитрию, я даю. Завтра же пошлю своего посла в Московию с ярлыком для князя Димитрия. Михаила, – хан помнил имена князей, – отправим назад. Некоторое время пусть поживет и едет... как вы говорите, с богом.

Василий кивнул. Он понимал, что хан обдумывает какой-то тяжелый для Руси план. Настроение его испортилось.

– Великий и непобедимый, дозволейте вернуться к своим людям, – произнес Василий.

Тот величественно кивнул головой.

На второй день к Василию явился ханский посланец и объявил, что Василию надо дать хану восемь тысяч рублей, тогда хан отпустит его домой.

– Восемь тысяч! – вырвалось у княжича. Да это надо ободрать всю Московию и то не наберешь таких денег. – Вы, ироды, – тут зло взяло верх, – ободрали всех так, как до этого никто с Московией не поступал.

Но посланец ничего не сказал, повернулся и хлопнул дверью.

Вскоре у Василия собрались все бояре. Они пришли узнать, зачем приходил ханский посланец. И узнали!

– Восемь тыщ! – воскликнул Федор Кошка. – Вот нехристь окаянный! Да где Димитрию взять такие деньги!

– Что же делать? – спросил Квашня, почесывая затылок.

– Будем думать! – ответил Кошка.

– Тута думай не думай, деньгу таку здесь не найти, – заявил Квашня, – надоть срочно отписать в Москву.

– А куда деваться? – развел руками Кошка и кликнул писаря.

Глава 4

Софья проснулась очень рано. Причиной был холод. Серый камень стен наводил уныние, а замершие ноги вызывали злость. Она сжалась в комок, и ей показалось, что так стало теплее. Она выжидала время, когда великий князь проснется: «Ему-то что. У него там, поди, жара», – думала она, периодически потирая ноги. Когда в узкое, небольшое оконце почти под самым потолком пробился солнечный луч, Софья решила, что пора вставать.

Вчера вечером, когда ее почти силой втолкнули сюда, она, не разглядывая «камеру», бухнулась на кровать, и по ее щекам потекли слезы горести. Она злилась на родителей, которые оставили ее. Хотя понимала, что отцу с матерью, которым поспешно пришлось бежать из замка, грозило оказаться в ягайловой темнице.

Что ее дядя – беспощадный и коварный человек, она хорошо знала по тому, как он разделался с Кейстутом, который сделал его великим литовским князем. Это человек, от которого нельзя ждать благодарности. И она жаждала от него избавиться. Но Софья не знала, как это сделать.

Она села на кровать, набросив на плечи покрывало, и оглядела помещение. Это была небольшая, плохо освещенная комнатка со столом и двумя стульями. В углу стояла тумбочка с зеркалом. Ее, вероятно, поставили перед тем, как Софью поселить сюда. У входа поставец, а с другой стороны – вешало. Как на вешале, так и в поставце ничего не было.

Софья какое-то время посидела, положив подбородок на колени. Потом, что-то решив, поднялась и пошла к дверям. Выйдя в коридор, она оказалась чуть ли не в полной темноте. Только вдали светилось какое-то оконце. Она пошла на него. Не доходя до оконца, справа увидела приоткрытую дверь, все другие были закрыты. Софья, осторожно приоткрыв ее и переступив порог, оказалась на лестничной площадке. Лестница вела вниз.

На середине пути она увидела вооруженных людей, которые расположились по обе стороны двери. Вероятно, эта дверь вела во двор. Княжна остановилась в раздумье, а потом решительно пошла вниз. При виде ее стража поднялась и, как по команде, загрозила собой дверь. Подойдя к ним, Софья твердо произнесла:

– Пропустите, я иду к дяде.

– Нам не велено тебя выпускать, – ответил высокий воин, вероятно, старший.

Но Софья была не робкого десятка.

– Пусти! – воскликнула она и оттолкнула стража.

Тот, не ожидая от нее такого поступка, отлетел в сторону. Это позволило ей выскочить наружу и бегом направиться к воротам. Но они были закрыты, и перед ними невесть откуда оказались стражники. Княжна не растерялась:

– Откройте ворота! – требовательно приказала она и опять повторила: – Я иду к дяде, великому князю.

Наверное, эту стражу не предупредили, что ее выпускать нельзя, понадеялись на первую. Первая не побежала за ней, надеясь на вторую. Поэтому ее магические слова: «Иду к дяде, великому князю», открыли ей путь.

Ягайло занимал Верхний замок, который был расположен на высокой горе. Ничего не знаящая стража верхних ворот была удивлена ее появлению. Но ворота открыли. Ей приходилось здесь бывать, поэтому она также решительно направилась к княжеским хоромам. Два стражника, сидевшие внутри у входа, даже не обратили на нее внимания. Было утро, и пробудившийся люд сновал туда и обратно.

Поднявшись беспрепятственно на второй этаж, княжна свернула на левую половину, где был кабинет великого князя. По всей видимости, в кабинете его еще не было, поэтому приемная была пуста. И она решила дожидаться дядю в кабинете. Не успела Софья сесть в

его кресло, как до ее слуха донеслись голоса. Один она узнала – это был дядин. Другой, басисто-сипловатый, принадлежал немолодому человеку. Но кому, княжна не знала. Быстро сработала мысль: спрятаться. Не хотелось при чужом человеке поднимать скандал. Глаза быстро обежали кабинет. Хоть лезь под стол – больше спрятаться некуда. И тут ее взгляд упал на шторы. Они спускались, окаймляя окно, почти с потолка до пола. И она стремительно ринулась к одной из них.

Едва успела спрятаться, как в кабинет вошел Ягайло и с ним крепкий, с брюшком и отвислыми усами человек. На нем была дорогая свитка, на боку – длинная сабля, на ногах – высокие сапоги. Так ходили польские вельможи. Когда уселись, Ягайло спросил:

– Что мне на это скажешь, вельможный пан?

Софья прислушалась, задав себе вопрос: «О чем они до этого говорили?».

– Я думаю, кроме Болеслава Мазовецкого да Сигизмунда Чарторыйского в Польше других женихов не найти.

Ягайло задумался. Он встал и пошел к окну. Сердце Софьи замерло: стоит ему отдернуть штору и... Но штору тот не думал трогать, а посмотрел на серое, неприветливое небо и вернулся к себе.

– Многие Чарторыйские служат русским.

– Что делать, князь, – проговорил поляк, – когда нам своей земли не хватает, приходится искать ее на стороне. Твои братья тоже не чужаются русской земли.

Эти слова били не в бровь, а в глаз. Но Ягайло не стал останавливаться на этом вопросе.

– Мазовецкий уже не молод.

– Зато будет верен. Кстати, он, как и ты, недолюбливает Витовта.

Услышав эти слова, сердце у Софьи замерло: «Ягайло хочет выдать меня замуж, да так, чтобы тот был верен ему, Ягайле. Ну уж нет...» – подумала она. Те еще поговорили о погоде, урожае и вышли из кабинета.

Когда дверь за ними закрылась, Софья на цыпочках вышла из укрытия и осторожно подошла к двери. Посмотрев в замочную скважину, увидела, что приемная была пуста. Осторожно открыв дверь, вышла в приемную и хотела продолжить путь дальше. Весть, которую она услышала, заставила ее действовать. Она поняла, что ни при каких условиях дядя помогать ей не будет. А выйти замуж за человека, который потом будет воевать против ее родителей, недопустимо.

Обдумывая, как ей выбраться, она вдруг услышала громкие голоса. Среди них был и голос дяди. Как показалось Софье, он был чем-то взбешен. Она не ошиблась. Ему только что сообщили, что бежала Софья. Ей опять пришлось укрываться за шторой, но уже в приемной.

– Найти эту дрянь и привести ко мне! – орал он. – А тех, кто допустил это, в темницу!

Он, громко топая сапогами, вошел в кабинет. За ним попытались войти несколько человек.

– Вы куда? – повернулся он к ним. – Искать! – И затопал сапогами.

Софья поняла, что сейчас выйти отсюда не удастся и ее все равно найдут. Она решила сидеть сама.

Воспользовавшись тем, что приемная опустела, княжна вышла и села за стол секретаря. Ждать ей пришлось недолго. Вскоре вышел Ягайло, мельком взглянул на нее и пошел дальше. На пороге он остановился, вернулся и, посмотрев на Софью, неуверенно спросил:

– Ты?

– Я! – ответила она не без гордости.

– Как ты сюда попала?

– Да очень просто. Сколько раз я была здесь, и ты водил меня за ручку.

– Было время. Сейчас оно переменялось, – ответил он, присаживаясь напротив.

– Я не хочу здесь разговаривать и предлагаю пройти в твой кабинет. Или... мне больше нельзя туда входить? Я что... преступница? – Взгляд ее голубых, всегда радостных и лучистых глаз сейчас был подобен хмурому небу. Такого он выдержать не мог. Встречать противника лицом к лицу он не любил. Это должны были делать его слуги.

– Ты – моя... дорогая гостя, – ответил он, поднимаясь. – Прошу, – и сделал жест рукой, показывая на дверь кабинета.

Когда они вошли и сели, первой заговорила Софья:

– Дорогой дядюшка, – ее голос был наполнен сарказмом, – я хочу тебе заявить, что туда я больше не пойду. Ты что, хочешь меня заморозить, чтобы я простыла? Ты избавился от племянницы. Учти, дядя, мой отец тебе этого не простит. Вы много раз с ним то дружили, то ссорились. Но если ты сделаешь мне плохо... он отомстит тебе: пойдет на тебя вместе с тевтонцами или подошлет убийцу.

– Это не я, – торопливо вставил он.

– Я тебя в этом и не обвиняю, – каким-то невинным голосом проговорила она, – это я так, как пример. А ты уж, дядюшка, обо мне позаботься. Я хочу гулять. Сидеть здесь, – она обвила вокруг рукой, – я не могу без Устины, верни мне ее. Куда твои псы дели мою служанку?

– Не надо оскорблять моих людей, – довольно твердо заявил Ягайло.

– Я, – Софья поднялась, и на князя посмотрела гордая, неприступная красавица, – княжна. И никто из твоих халуев не имеет прав командовать мной. Тем более, твоей гостей.

– Хорошо!

Ягайло взял колоколец, и на его звон показалась чья-то голова.

– Позови ко мне Ставора, – приказал он.

Ставор был у него что-то вроде дьяка, выполняя разные поручения князя. Когда тот явился, Ягайло довольно грозно, как он умел это делать, приказал:

– Переведи ее, – он кивнул на Софью, – сюда, в Верхний замок. Дай ей все, что необходимо. Учти, комната должна быть теплой. Верни ее служанку. Все должны знать, что моя племянница – моя дорогая гостя.

Тот, выслушав, кивнул головой и удалился.

За ним поднялась Софья:

– И я пойду, – сказала княжна.

Тон ее голоса был таким, что его можно было расценить и как просьбу, и как сообщение. Князь понял как просьбу.

– Иди, иди, – ответил он и добавил: – Если что нужно, заходи.

У нее на языке так и вертелось спросить: «Какого жениха вы мне выбрали?» Но она сдержалась и спросила другое:

– Когда вернется мой отец?

– Я ему не запрещаю вернуться в любое время, – ответил он с пафосом.

– Чего вы не можете поделить и для чего ты захватил его в плен?

Ягайло резко поднялся. Облокотившись кулаками на стол, он по-бычьему наклонил голову и проговорил:

– Твой отец, как и дед, поднял на меня руку. Ты знаешь ли о том, что они пленили меня?

– Но они не держали тебя в темнице и отпустили в твой удел. А ты, – она говорила быстро, обида сжимала ее горло, – хитростью захватил их обоих. Не без твоей помощи был убит мой дед. А мой отец бежал, но он вернется...

– Пошла вон, – завопил Ягайло и ударил по столу кулаком.

Когда Софья выскочила за дверь, силы оставили ее, и она прислонилась к стене: «Вот дура! И зачем я ему все это сказала? Он бросит меня в яму. Ну и пусть. А я все сказала, что о нем думала. Пусть знает...».

У нее ничего не отобрали, дали теплую комнату, вернули Устинью. Но она почувствовала, что кто-то стал следить за каждым ее шагом.

Их разговор слышала мать Ягайло, Иулиания. Как только Ягайло остался один, она вошла к нему.

— Сын мой, я знаю, что в душе твоей пылает жажда мести. Умерь свой пыл. Вся борьба еще впереди. Дело можно кончить и миром. Но если с Софьей что-то случится, вот тут ее отец станет для тебя не врагом, а зверем. Зачем тебе это?

Сын послушал мать, которая когда-то выплакала для него корону великого князя. И Софья получила разрешение покидать стены замка, но за ней продолжали по пятам ходить люди ее дяди.

Глава 5

Караван с пленниками, захваченными еще зимой людьми Едигея, наконец прибыл в Сарай. Изможденные, в рваных одеждах, босые, брели они по раскаленной земле татарской столицы. Их усталые глаза безразлично скользили по белоснежным стенам дворцов, по толпе взирающих на них людей. Среди любопытных были мужики, которые присматривали для будущей покупки пленных женщин. Но, не найдя достойного «товара», их взгляды ни на ком не задержались. И вот появились последние пленницы. Многие подметили высокую девушку. Несмотря на тяжесть испытаний, она не потеряла своей обаятельности. Стройна, с развитыми в меру бедрами, тонкой талией, она приковывала взгляды почитателей женского пола. А когда дева подняла голову и взглянула выразительными глазами на толпу, многие даже крикнули. И у них в голове тотчас мелькнуло: «Куплю».

Но хозяин всех увел в свой аул на откорм, чтобы «товар» приобрел вид. Все ждали, когда состоится торг. Когда же их наконец вывели на рынок, ее среди пленниц не было. Сын хозяина, заметив красавицу, взял к себе во дворец. Там ей создали «царскую» жизнь. Молодой организм быстро помог ей набраться сил. И вот однажды молодой хозяин велел привести вечером ее к нему. Но она оказалась дикой серной, нет... хуже, тигрицей. Она вцепилась руками в его жирное лицо, а зубы впились в плечо. Он едва оторвал деву от себя и закричал на весь дворец, чтобы ее бросили в яму.

– А завтра – казнить, – кричал он, пока лекарь лечил его раны.

Но утром он одумался, решив, что смерть для нее будет легким наказанием, а надо придумать что-то такое, чтобы она сама на коленях приползла к нему с мольбой о прощении.

Долго думали и придумали: ее заставили носить воду в бадьях с реки на конюшню. Две бадьи на коромысле и одна в руке. С такой тяжестью, под палящим солнцем, она должна подниматься по крутому берегу, а потом идти открытым полем. На реке почти всегда собиралось много рыбаков. Чего только она не услышала в свой адрес.

В один из таких дней среди рыбаков появился детина, прозвище которого было Алберда. Его и уважали, и боялись. Уважали за то, что он был непобедимым кулацким бойцом. Откуда эта мода взялась в Сарае, трудно сказать. Скорее всего, ее привезли сюда пленные новгородцы, где эти бои были нормой городской жизни. На них многие пробивали себе дорогу наверх. Его побаивались, помня, как он отделал одного наглеца, который под предлогом, что старый Захар ловил рыбу на его прикорме, отнял у бедняги весь улов. Многие тогда завозмущались, а Алберда молча подошел к нему и так приложил, что тот, отлетев на десяток шагов, еле поднялся. А Алберда взял у Захара плетенку и высыпал туда рыбу.

– А это не все мое, – вопросительно глядя на парня, произнес Захар, держа большую рыбину в руках.

– Отдай ему. – Он кивнул на мужика, который продолжал отряхиваться и снимать с одежды колючки.

Рыбалка шла своим чередом, клев был хороший, пока не появилась эта рабыня. Алберда, увлеченный клевом, ни на кого не обращал внимания. Но кто-то из рыбаков окликнул его и показал взглядом на берег. Девушка, набрав воду в бадьи, в это время поднималась наверх.

– Эх, ножки-то каки! – слышались голоса.

А у Алберда задергалась удочка, и он вытащил огромную стерлядь, фунтов на десять. Рыбаки, увидев такую добычу, кто от души, кто со скрытой завистью поздравляли рыбака. Это увлекло. На второй день он появился опять. И никакие возгласы рыбаков по адресу рабыни его не отвлекали от дел.

Но вскоре клев как обрезало, и появилась возможность взглянуть на бережок. Глаз у него был остер и зорек, и он увидел деву. Скользя безразличным взглядом по ее стройной фигуре, он остановил взор на огромной чайке, которая важно, как хозяйка, расхаживала по берегу. Тут стали раздаваться голоса, что, мол, зазря сидеть, пошли по избам и стали сматывать удицы. То же сделал и Алберда.

Они встретились: девушка и Алберда, когда он поднимался, а она спускалась по крутому берегу. Ее большие глаза, наполненные печалью, тотчас опустились, и она прошла мимо, а у него что-то шевельнулось в груди.

Прошло несколько дней и пронесся слух, что рыба вернулась, и клев возобновился. Поторопился на реку и Алберда. Но рыбалка уже не так захватывала его. Помимо воли глаза частенько украдкой пялились на берег. Он следил, как девушка, войдя в реку, слегка приподнимала подол и черпала воду, а потом, изгибаясь под тяжестью, поднималась по крутому берегу.

И вот однажды с ней случилась беда. С утра моросил дождичек, и глинистая тропинка стала скользкой. Как рабыня ни старалась удержаться, ей это не удалось. Она полетела кубарем вслед за своими ведрами. Раздался дружный смех. Но кто-то быстро забил веслами. Это был Алберда. Он с такой скоростью разогнал свою ладью, что она чуть ли не полностью выскочила на сушу. Он помог девушке подняться, набрал воду и вынес бадьи наверх. Когда возвращался на место, услышал смешки. Он так посмотрел на весельчаков, что у них пропала охота смеяться.

Девушка продолжала регулярно исполнять свою работу. Алберда, посматривая на рыбаков, с трудом удерживал себя, чтобы не подгрести к берегу. Этот день не предвещал ничего страшного. Было тихо, безветренно. На фоне алевшего востока выкатило светило. С берега доносился неугомонный треск сверчков. Чайки спокойно расхаживали по берегу, и только изредка, сорвавшись с места, парили над рекой, чтобы внезапно, ринувшись с высоты, схватить жертву.

Ураган обрушился внезапно. Налетевший ветер зарядил реку, поднимая волны.

– Эй! – понеслось с лодок. – Скорее на берег.

Рыбаки, кидая уды на днище лодок, схватились за весла. Старый Захар замешкался с поворотом, и ураган перевернул его лодку. Что-то со старым случилось, он стал захлебываться, то погружаясь в воду, то всплывая наверх.

– Помо... – пытался крикнуть он.

Но никто не обращал на него внимания. Алберда увидел тонущего старика, нырнул со своей лодки и поплыл к нему. Подхватив старика, он потащил его к берегу. Когда до него оставалось несколько шагов, что-то тяжелое ударило его по голове. То была чья-то брошенная лодка. Удар был настолько силен, что парень потерял сознание. Но, охваченные страхом, люди не пытались ему помочь. И только девушка, оставив свои бадьи, бросилась на помощь. Алберда был здоровым парнем, и девушка не могла его поднять. Она со слезами на глазах просила проносившихся мимо рыбаков, чтобы они помогли вытащить его на берег. Но все, как от чумы, отворачивались от нее. Тогда, собрав последние силы, она выволокла его на берег. Прислонив ухо к груди парня, услышала, как бьется его сердце. Оторвав от подола лоскут, девушка сорвала несколько широких листьев травы и, приложив к ране, обвязала голову.

Алберда вскоре очнулся. Первые его слова были:

– Где я?

– На берегу! – услышал он ласковый голосок.

Парень застонал, пытаясь подняться.

– Лежи, лежи, – успокоила его девушка.

Когда он отлежался и у него появились силы, она помогла ему дойти до дома, за что получила удар плетью по спине. Старый лекарь постарался, и парень быстро встал на ноги. И опять пошел на рыбалку. Лекарь только усмехнулся ему вслед.

В Сарае в это время назревала другая драма. После решения хана бояре и княжич находились в московских хоробах в каком-то оцепенении и ожидании ответа из Москвы. Время в ожидании всегда идет медленно, и им казалось, что сроки получения ответа уже подошли. Но... увы. От твоего желания бег времени не ускорится. И они стали ломать головы: что же в такой ситуации предпринять. Но ничего путного придумать не могли.

Однажды Кошка сообщил, что представители всех княжеств, которые находятся в Орде, поддерживают связь друг с другом, но чураются посланцев Москвы. На молодого Василия это подействовало. Его душа хотела общения. За долгое время свои бояре уже надоели. Все было пересказано вдоль и поперек, да и Сарай изучен. И Василий заметно захандрил. За одним из обедов Квашня, как бы между прочим, изрек, что по воскресеньям за базарной площадью собираются кулачные бойцы: русские и татары. Услышав об этом, Василий оживился. Его накопившаяся энергия требовала выхода.

– Я пойду, – заявил он.

– Одного тебя не отпустим, – ответил Кошка.

– Мне нянек не надо, – твердо сказал княжич.

Он представил себе, как на него будет смотреть народ, когда он явится в окружении стражи, и продолжил:

– Я сколько тут ходил, на меня даже ни одна собака не поглядела.

– Это хорошо, – с улыбкой заметил Квашня, – а то ведь могла и укусить!

Все рассмеялись. На этом инцидент был исчерпан, и Кошке пришлось согласиться. А зря. Не знал Кошка, что тверской князь Михаил, узнав, что Василий обскакал его насчет ярлыка на великое княжение, с досады скрипнув зубами, бросил:

– Неплохо бы проучить этого мальчишку.

Но его сын, Александр, уловил их, приняв за чистую монету. В одной из встреч с Кирдяпой, Семеном и Родославом он подкинул им эту идею.

– А че? – согласился Семен. – Поучить надобно.

– Э, – засомневался Кирдяпа, – не дай бог, заметит. Нам нельзя. Московия, брат, она сила. Димитрий прознает, беды не оберешься.

– А почему мы? – произнес Родослав, как и его отец, очень обижавшийся на Московию. – Давайте кого-нибудь подговорим.

– Согласен! – воскликнул Семен. – Хоть княжич и здоров, но поздоровее найдутся.

– Ты их знаешь? – спросил Родослав.

Семен кивнул головой.

Наступило воскресенье. Помолившись в церкви, позавтракав, Василий решил пойти посмотреть на бой. Чтобы никто с ним не увязался, он выпрыгнул в окно, перелез через ограду и был таков.

Когда он пришел на место, там уже был народ. Многие разбились на группы и что-то обсуждали. Василий примкнул к тем, кто безучастно стоял в ожидании. Его никто не узнал, даже не кинул взгляда в его сторону.

Кулачный бой – одно из массовых зрелищ, на которое собирался чуть ли не весь Сарай. Были еще у татар и конные состязания. Но они проходили крайне редко. На этот раз народу набилось столько, что яблоку негде было упасть. Было много русских.

Перед началом боя толпа задвигалась, стараясь пойти ближе к полю сражения. Василия начали толкать. Он тоже пустил в ход свои не хилые плечи. Василия удивило и рассмешило, что никто не обижался. И княжичу удалось пробиться в первые ряды.

Представление начали татарские бойцы. Иногда среди них можно было увидеть и русских. Закон борьбы был прост: победитель оставался и встречался с другим победителем. Так до победы. Его ждал неплохой приз. Обычно это был хороший конь с полным «снаряжением».

Не успела начаться борьба, как «знатоки» и «умельцы» завопили со всех сторон:

– Ты его под мышки, под мышки!

– Хватай за руку!

К кому это относилось, было загадкой. За полдень победитель определился. С поднятыми руками он прошел по кругу и остановился напротив ханского места. Это трехярусная каменная ложа, окруженная невысоким забором. Если присутствовал хан, иногда это бывало, то стража заполняла пространство от забора до ложи. Сейчас там сидел один мурза. Он и вручил коня победителю. Им оказался здоровенный татарин. Василий в гуле толпы не разобрал его имени.

И вот наступил второй этап кулачного боя. Татары и тут преуспели, видать, научились. Участвовать мог каждый. Становись на любую сторону. Битву обычно начинала зеленая молодежь. Ей на подкрепление подходили ребята повзрослей. Побеждали одни, на помощь к побеждаемым подходили свежие силы. Покинуть бой можно было в любое время. Только этого никто не делал. Сейчас же можно было прослыть трусом. А это было чревато презрением. Покидали поле боя только побитые. Ряды бойцов таяли быстро. И наступил момент, когда все, кто еще остался, бились, не ожидая помощи. И тут начались крики:

– Хамид! – Это татары звали своего победителя.

У русских Алберда.

В прошлый раз кто-то бросил под ноги Алберде старый охабень. Он запутался в нем, и Хамид, удачно выбрав момент, нанес ему удар в висок, хотя это было запрещено. Земля в его голове качнулась, и он упал на колени. Победил Хамид. Кто на этот раз? Ряды быстро таяли. Остались, как и в прошлый раз, Хамид и Алберда.

Василий волновался, желая победы Алберде. Уж больно ловко тот умел драться. Как он отбил от троих, одновременно напавших на него! «У него поучусь», – подумал Василий. Этот боец ему очень понравился. Но и Хамид, здоровенный, хотя и суховатый татарин, тоже владел кулаками дай боже. Они долго, зорко поглядывая, ходили друг перед другом, делая легкие, пугающие движения. И вдруг татарин, словно им выстрелили из лука, сорвался и набросился на Алберду. Кто мог устоять против такого урагана? Ан нет! Отбив его натиск, русский сумел нанести ему такой боковой удар, что тот еле устоял на ногах.

Борьба продолжалась. Ни один человек не покинул зрелища и даже не помышлял об уходе. Всех захватило: кто? Разгорелись споры. Кое-где доходило до кулаков. Никто не заметил, как небесное светило, нагнавшись на этот поединок, устало поползло к своему ложу.

Кончилось все внезапно. И... страшно. Алберда нанес ему прямой удар с такой силой, что сломанная челюсть даже прорвала тому щеку. Ревела от радости русская сторона. Татары поникли. Кто-то громко провозгласил:

– Ничья!

И огромная толпа стала таять на глазах. Расходились в ожидании следующих боев, дорогой горячо обсуждая прошедшие схватки. Василий шел под большим впечатлением от кулачного поединка. Незаметно рассосался людской поток, и Василию до своих хором пришлось топтать одному. На другое утро, за едой, Василий с таким упоением рассказывал о вчерашнем дне, да с таким азартом, что порой вскакивал, чтобы показать тот или другой

прием. Кошка толкал соседа за столом и кивал на княжича: мол, смотри, в себя парень пришел, а то совсем сник.

А Василий теперь жил ожиданием очередного воскресенья. Ждали его и другие. Родослав, будучи тоже на этих боях, приметил Василия. И рассказал об этом Кирдяпе. Тот – Семену. Вскоре они собрались втроем и решили, что Семен будет искать молодцов.

– А если зашибут? – любопытствовал Родослав.

– И пушай, – ответил Василий Кирдяпа. – Туды ему и дорога. Ты деньгу принес? – спросил он у Родослава.

Тот кивнул и достал кисет с деньгой.

И вот подошло воскресенье. Судя по вчерашнему спокойному желтоватому закату, день должен быть знойным. Но кто обращал на это внимание. Василий сразу же, как отутренничал, тайком сунул за пазуху завернутый в тряпицу кусок вяленого мяса да ломоть хлеба и помчался на кулачное поле. В прошедшее воскресенье многие прихватили с собой еду.

И на этот раз русский борец, вышедший в финал, не поддался. Но и татарина не одолел. Когда всем надоела борьба, заорали:

– Мир! Мир!

Надоело и татарскому мурзе, и он под крик соотечественников поднял обе руки. Оно означало: ничья. Конь по жребию достался русскому борцу.

После небольшого перерыва начали собираться стороны. Василий задергался. То направится в сторону, где было больше русских, то остановится, то... Наконец решился, предварительно оглянувшись по сторонам: нет ли своих? «Вдруг что не так, чтоб не смеялись». Когда Василий смотрел на бойцов со стороны, все казалось легко. А когда сам схватился, то оказалось не так-то все просто. Хоть и он хорошо бился и немало валил с ног, но и ему досталось так, что земля качнулась, и он едва удержался на ногах, а рот был полон крови. Пришлось выбираться из толпы. А как ему хотелось быть рядом с прошлым победителем, чтобы заслужить у него похвалу. Пока что заслужил синяк под глазом.

Но он забыл про боль, как увидел Алберду, который только что появился. Был он сумрачным и, как показалось Василию, не очень собранным, а на лице лежала печать заботы. «Что это с ним?» – подумал княжич. А у того была беда: какой день на берег не приходила Ольга. Вначале он не особенно обращал на это внимание, но чем больше проходило времени со дня их последней встречи, тем тяжелее было его настроение. Он даже не хотел идти на поле, да друзья вытащили. Этого Василий не знал. Без Алберды русская сторона медленно сдавалась. Увидев его в своих рядах, русские ожили. Василий стал пробиваться к нему. Но это оказалось весьма трудным делом. С обеих сторон остались опытные бойцы. С ними биться было трудней и опасней. И все же неумное желание победило: он почти рядом с победителем! Противники окружили Алберду. Осознав опасность, Василий бросился на помощь. Но кто-то вновь так закатил ему в лоб, что он растянулся на земле. Когда очнулся, с трудом поднялся. Сражение переместилось на другой конец. Сложилось так, что на одной стороне были татары, на другой – русские. И последние добивали своих противников во главе со своим непобедимым бойцом. Видя, что русские побеждают, Василий решил свои силы больше не тратить, а встретить Алберду – он узнал его имя – и попросить, чтобы тот поучил его борьбе.

Битва закончилась победой Алберды, и люди стали расходиться. А Василий никак не мог найти победителя, тот как в воду канул. Если бы Василий знал, что Алберда бегом отправился к одному татарину, имевшему связь с едигеевыми людьми, чтобы попытаться узнать об Ольге, он бы его не искал. Поиски ни к чему не привели.

Василий решил поторопиться в хоромы и срезал дорогу, пошел той, которая пролегла среди старых юрт. Кошка не советовал ему здесь ходить, но Василий решил разок воспользоваться этой ближней дорогой. Это был темный, тихий край. Что-то заставило Василия огля-

нуться, и он увидел несколько силуэтов каких-то людей. Бежать он не думал. Это было бы не по-княжески. Но чувствовал, что шаги, торопливые, приближаются к нему. Он даже уловил усиленное дыхание людей. И понял: они гонятся за ним. Кошеля с ним не было. Отдавать было нечего. На всякий случай он остановился у огромного дерева, встав к нему спиной. На него набросились. Василий был в отца, не слабак. Да кое-чему подучился, поэтому на первых порах сумел дать отпор. Но сила есть сила. И она была далеко не равной.

Алберда от татарина вышел довольный. Тот, взяв с него целый рубль, сказал, что все разузнает. У парня полегчало на душе. А татарин, к которому он пришел, жил на этой улице. И Алберда через несколько шагов услышал тяжелые выкрики, тупые удары и даже стоны. Он понял, что кого-то бьют. Подойдя ближе, сумел разглядеть, что несколько человек напали на одного.

– Эй, – рявкнул он, – это не по чести.

Один из них, услышав голос, оглянулся.

– Проваливай, – злобно выкрикнул он, – а то и те достанется!

Такую «угрозу» Алберда снести не мог. Схватив двоих, парень сшиб их лбами и отбросил в сторону, за что заработал пинок в живот. Это было слишком! Его молниеносные удары быстро уравнили силы. Кто-то в испуге, узнав Алберду, крикнул:

– Бежим, братцы!

И они бросились в разные стороны.

– Ну, гады... – погрозил Алберда им вслед кулачищем, – попадетесь мне, башки потрываю. – Ты как? – обратился он к Василию.

– Да... так, – со стоном ответил княжич.

– А ну-ка идем. – Алберда подхватил его и вывел на свет из-под тени дерева.

Приглядевшись, сказал:

– Ну, ты разукрасили! Пошли-ка к старому Алберде, он те поможет.

Старик Алберда – татарин, причем с одной левой рукой. Правую он потерял в битве, когда бросился спасать своего хана Бердибека. Это спасло Алберде жизнь, ибо его сотня была подвергнута смертной казни. По мнению хана, она трусила и позволила врагу чуть не погубить его, хана. В благодарность он сделал Алберду смотрителем базара.

В один из казацких набегов семья его погибла, и он остался один в своем старом базарном шатре. Молодой Алберда видел дорогу, как кошка, потому что по ней ходил много лет. Придерживая прихрамывающего Василия, они разговорились.

– Че они к те пристали? – спросил Алберда. – Ты тут кого-нибудь обижал, был должен и не отдал?

– Да нет! – воскликнул Василий.

Что-то попало под ногу, и это вызвало боль.

– Ниче, потерпи, дед ты починит, скакать буш, как коняга, – успокаивал Алберда. – Ты как звать-то? – спросил он.

– Василием кличут. А ты?

– Я Андрей. Да вот привязалась кличка Алберда. Я живу у него.

– А кто он? – поинтересовался Василий, отплевывая кровь.

– Да... татарин.

– Татарин? – удивленно переспросил княжич.

– Татарин. Да еще какой татарин! Они всяки бывают. А ен меня от голодной смерти спас. Кохда я был еще мальцом, моих родителей захватили татары, пригнали... Я дажить родителей не очень помню, и не знаю, откуда мы.

– А как ты к Алберде попал?

– Стой, тута яма, дай-ка я тя перенесу, – и, подхватив княжича, довольно легко перепрыгнул вместе с ним через яму. – Я тута, как пацан, волю имел. А родителей в город водили

на разные работы. А жрать неча было. Вот я и присосался к рыбакам. Те меня жалели. Ухи, бывало, нальют, с собой рыбки дадут. Ну, родителей подкармливал. Раз возвратился, а их никого нет. Всех куды-то продали. А где они жили, плетенки, их сожгли. Куды деваться? Жрать-то охота. А на базаре выбрасывают порченную жратву, вот я и питался тама. Как-то дождь пошел, я сел под кустик, дрожу. Подходит татарин безрукий. Вид грозный...

Княжич застонал.

– Держись, Василь, щас придем.

Василия оставляли силы, и он чуть не рухнул на землю. Алберда дотащил его до шатра.

– Дед, – так он звал старого татарина, – ты не спишь?

– Моя ждет тя, – ответил тот.

– Зажги-ка огарыш. Тута я битого привел, помочь надоть.

Татарин вышел с горящей плошкой со своей половины и осветил Василия. Старик поднес свет поближе к лицу Василия и поднял поочередно его веки.

– Ничего, моя поможет. Сыми... – Он потрепал одежду княжича.

Молодой Алберда быстро раздел Василия и положил на свой лежак. Старик внимательно осмотрел его, пощупал голову и, всунув в руки молодого Алберда плошку, куда-то удалился. Вернулся, держа у груди несколько глиняных горшочков. Налив из одного горшочка кукую-то противно пахнущую жидкость, приподняв голову Василия, приказал ему:

– Моя дасть те пить.

Тот сделал несколько глотков, не выдержал и сплюнул.

– Неть, моя нельзя! – закричал татарин и заставил выпить.

Жидкостью из других склянок он стал натирать тело княжича.

После этого питья Василий почувствовал себя лучше. Ушла куда-то боль, появилась сила. Но тело вдруг загорелось, словно его бросили в костер. Жгло так нестерпимо, что Василий даже стал метаться.

– Держи! – приказал старик Алберде.

Тот держал его до тех пор, пока Василий не перестал биться. Жар прошел, и стало легче.

– Ну, как ты? – через некоторое время спросил Алберда.

– Да... лучи. Надоть к се идтить. – Он поднялся и сел на лежак.

– Погодь, дед еще че-то хочет.

– Твоя пойдет, но... на. – И старик опять подал ему пахучую жидкость.

Василий не ломался, выпил. Стало совсем хорошо.

– Я пойду, – повторил он, – а-то мя искать будут, – поднимаясь, проговорил Василий. – Сколь я должен? – спросил княжич, глядя на старика.

Тот зло покачал головой:

– Не... моя не беретъ!

– Не надо, – сказал и молодой, – дед ничего не беретъ. Обними его. Ему приятно будет.

Василий обнял старика. Тот даже прослезился. И тут Василий понял, что говорил Алберда: татары разные бывают. У этого сердце было добрым.

Алберда проводил Василия до половины дороги, и княжич сказал:

– Идикась назад, ты и так со мной сколь повозился. А завтра я приду. Ты терь мне, как брат.

Он обнял Алберда, и они простились.

А в хоромы никто не спал. Так поздно Василий еще не приходил, и бояре с воеводой не знали, что делать. Когда княжич вошел, Кошка налетел на него, как коршун. Но Василий осадил боярина:

– Все – завтра.

Сказано это было таким голосом, что он тотчас погасил порыв боярина заниматься воспитанием. Княжич прошел к себе, присел на лежак. В голове зрел вопрос: «Что это было? Простое худоумие или кто подослал?» Но найти ответа не успел. Сон свалил его.

Проснулся он, когда наступил обед. Бояре толклись около его двери. На правах старшего, показать, что позиций своих не утратил, Кошка иногда приоткрывал дверь и, повернувшись к боярам, ожидавшим от него сообщения, говорил:

– Спит.

– Пушай спит! – соглашались они.

Василий проснулся от чувства сильного голода. Ему даже снилось, что он сел за стол, а у него отнимают еду. Подойдя к зеркалу, он взглянул на свою физиономию, намереваясь увидеть ее в синяках и ссадинах. Каково же было его удивление, когда он почти ничего не обнаружил. Задрав рубаху, осмотрел живот. Ему досталось больше всего, но он тоже выглядел довольно сносно.

– Мда-а, – довольно произнес Василий и направился в едальню.

Бояре встретили его пытливыми взглядами. Он только кивнул им головой, сел на свое место и начал «уплетать» еду. Ел с таким аппетитом, что, казалось, его долго не кормили. Наевшись, он коротко поведал о своем приключении. Кошка вскочил и набросился на него:

– Ты че, Василий, ведешь ся так безобразно? Ты забыл, кто ты? Я не позво...

– Я не забыл, – грохнул кулаком по столу Василий и, поднявшись, сказал: – Это ты, боярин, забыл, кто я! – и ударил себя в грудь. – Я не мальчик, чтобы ты меня водил за ручку! – Он резко двинул ослон и вышел из едальни.

Бояре в испуге переглянулись. Кошка изменился в лице. Оставшись один, он долго ругал себя, считая, что пустил под откос всю свою добрую угодку. «И я хорош, – говорил он себе, – как могло вырваться у меня: я не позволю. Да кто я такой? Эх! Но слово не воробей». Что сказать?

Глава 6

Магдебург. В замке тевтонских рыцарей великий магистр собрал совет, на котором решали просьбу литовского князя Витовта, который просил орден помочь в возвращении его княжества. О том, что помочь надо, решение было единодушным. Но одни настаивали на том, чтобы тот отдал им Жмудь и часть Литвы. Большинство, в том числе и сам магистр, было против.

– Если мы сейчас запросим такую цену, – проговорил магистр, – он может не согласиться. А не лучше ли, оказав ему помощь, потом дать понять, что если мы его оставим, то Ягайло немедленно с ним разделается.

Подумав, все согласились с предложением магистра, и тевтонцы двинулись на Ягайло. Они шли под двумя знаменами: тевтонским и литовско-жмудским. По мере продвижения в глубь страны к Витовту присоединялись его сторонники. Не принимая боя, Ягайло, чувствуя превосходство противника, отступал на юг.

Троцкое княжество было освобождено. Витовт тотчас отправил к Ягайлу гонца с письмом, где требовал немедля вернуть ему дочь. Получив такое письмо, Ягайло был в раздумье: отдать или нет? Он долго колебался и решил: отдать. Он уже хотел распорядиться насчет возвращения Софьи, как к нему явился посланец, который объявил радостную весть: тевтонцы оставили Витовта, и их войска возвращаются к себе.

– Нет! – воскликнул Ягайло. – Ты, братец, свою дочку не увидишь.

И приказал воеводам готовить войска к выступлению.

Вскоре Троки, в котором тевтонцы оставили в помощь Витовту небольшой гарнизон, были осаждены войсками Ягайло. Два дня они продержались, на третий к Витовту явился тевтонский командир и заявил, что он сдает город. Потайным ходом князю пришлось бежать из Троков.

Витовт со своими сторонниками дошел до дороги, по которой, повернув направо, попадешь на Русь, а налево – в Магдебург, к тевтонцам. Он простоял сутки, все думал. Был великий соблазн идти в Московию и просить там помощь у великого московского князя. Но воеводы, бояре его отговаривали:

– Да, Димитрий разбил великое мамоево войско. Но пришел новый хан, захватил Москву, хотя потом и бежал. Тверской князь, благодаря усилиям Московии, очень слаб. Новгород? Навряд ли. Они в обиде на нас, литовцев, мы ведь столько раз нападали на них. А за их спиной стоит Москва. Они ее боятся не меньше нас и тевтонцев. Если помогут, то подорвут свои силы. Вряд ли они пойдут на это.

Против таких доводов Витовт не находил возражений. И он приказал повернуть налево.

На сей раз магистр встретил его весьма официально. В беседе он высказал ему недовольным тоном, что тевтонцы сделали все, чтобы удовлетворить его просьбу:

– А если ты, – он пристально посмотрел на князя, – не удержал власть, – и развел руками, – то это твое дело. Я не могу больше рисковать своими людьми, ничего не получая взамен. – При этих словах, в его глазах пылал огонь плохо скрываемой жадности.

Витовт понял, что надо чем-то пожертвовать. Но чем? Это как с руками – какая важнее? Торговля затянулась на несколько дней. Но тут Витовт получил тайное сообщение, что Ягайло готовится выдать замуж его Софьюшку. Он понимал, что Ягайло пытается найти такого зятя, который станет его первым врагом. «Что же делать?» – мучал его этот вопрос.

Как раз в это время к нему явился тевтонский епископ. Витовту стало ясно, что сейчас он узнает цену ожидаемой помощи. Он знал этого человека. Его внутренняя суть не отвечала внешнему виду. Он был среднего роста, полный, с мясистым улыбчивым лицом. От его

выражения веяло добротой, сочувствием. Но это было так ошибочно! Голос мягкий, серые глазки то пронзительные, то бегающие, то мягкие.

– Ваше княжеское сиятельство, – заговорил он, – испытывает весьма серьезные неудобства от несправедливого поступка ближайшего родственника. Но всемогущий Бог наш, принимая в свое лоно страдающего, всегда оказывает ему помощь. И наша церковь будет молиться, чтобы у сиятельного князя разрешились неприятности. «Понятно, – отметил про себя Витовт, – я должен принять католичество. Что же делать?»

– Святой отец, – начал он решительным голосом, – я в душе давно христианин. И я склоняюсь к православной вере, – князь решил не таить своего желания.

– Ну и что ж, – продолжая улыбаться, проговорил епископ, – каждый волен выбирать свой путь. Это земля католиков, и она не может в силу ряда обстоятельств молиться за ваше, раб Божий, благополучие. Вам надо искать пути, оказаться там, куда зовет ваша грешная душа. Может, там Он, – епископ показал пальцем вверх, – поможет решить ваши вопросы. А я хочу поблагодарить вас, ваше княжеское сиятельство, за то, что вы нашли время меня принять. Я думаю, – его глазки хитро прищурились, – ваш путь будет не столь опасным. Я помолюсь за это.

Витовт понял: раз он не хочет принять католическую веру, ему предлагают покинуть эту страну. А зная, как за ним охотится его враг, они не окажут ему помощи в безопасном походе. Того и гляди своих переодетых рыцарей могут послать вдогонку. Потом обвинят местный разбойный люд. В общем, бросают в руки его врага. Он понял и другое: они на этом не остановятся. «Что же меня ждет дальше?» – думал он. И ему стало ясно, что выбора нет. Его дочь, единственное дитя, в руках его врага. Когда до Ягайла дойдут слухи о том, что он не получил помощь... Ему не хотелось думать о последствиях.

– Хорошо, святой отец, я благодарен вам за то, что вы так просветили меня. Я думаю, ваш бог сильнее и я, грешный будущий католик, готов просить его, чтобы он не оставил меня своей милостью.

Глаза епископа засияли.

– Принять раба Божия можно сделать, не откладывая дело в долгий ящик. Поэтому я буду ждать вас в храме.

Сказав это, епископ поднялся и уже с порога сказал:

– После этого я советую вам посетить Великого магистра. Он будет рад вас видеть.

– И я буду рад иметь с ним встречу, – ответил Витовт, поняв, что все между ними заранее обговорено.

Ему было ясно и другое: платить придется много.

Но попасть к магистру на этот раз оказалось не просто. Раньше такого не случалось. Как обычно, войдя в приемную, он кивнул рыцарю, сидевшему за столом, и направился было к двери кабинета, как его остановил голос этого рыцаря:

– Князь, Великий магистр отсутствует, – сообщил тот.

– А когда он вернется? – спросил Витовт.

Рыцарь только пожал плечами. Литовец какое-то время подержался за ручку двери, а потом махнул рукой:

– Ждать бесполезно. Я приду в другой раз. Передайте магистру, что я был и просил бы его назначить мне время для встречи.

Рыцарь приподнялся и с поклоном ответил:

– Ваши слова ему будут переданы.

Но дни шли за днями, а приглашения не было. Витовт скрипел зубами. Единожды у него появилось желание плюнуть на все и уехать. Куда? «Да хоть в Московию. Бежали же туды мои братья и находили там должный прием». Но горячность проходила, верх брал разум. «А Софьюшка?» И это определило его дальнейшее поведение. Он решил действо-

вать по-другому: не ждать больше приглашения, а нагло прийти к магистру. «Кто я? Князь! Сколько раз магистры обращались ко мне с низжайшими просьбами. А тут? Я больше не намерен ждать. Надо спасти Софью». Витовт обратил внимание, что один из молодых рыцарей довольно тепло относится к нему. Найти его было просто: раз в неделю он дежурил у ворот замка. В день его дежурства Витовт отправился к воротам. Молодой рыцарь приветствовал князя дружескими словами.

– Как тебя зовут? – спросил Витовт, приостанавливая коня.

– Макс, – ответил тот, приятно улыбаясь.

– Макс, – обратился Витовт, – мне надо увидеть магистра. Тебя не затруднит дать мне сигнал, что он у себя?

Макс улыбнулся и ответил:

– Для вас, великий князь, я все выполню.

– Вот и хорошо. На-ка возьми, – и протянул ему золотой талер, – гульни с друзьями, – улыбнувшись, сказал Витовт.

Рыцарь застенчиво покраснел, но монету взял. А покраснел он от того, что, по уставу, он не мог этого делать.

Макс не обманул и в один из ближайших вечеров осторожно пробрался к двери князя и, озираясь по сторонам, тихонько постучал в дверь. Сердце князя екнуло. Он даже улыбнулся себе.

Витовт быстро оделся и через двор направился к дворцу магистра. Стража, стоявшая у входа, попыталась было его остановить, но князь кое-что унаследовал от отца. Он выхватил меч и плашмя огрел одного стражника так, что тот мешком свалился на землю. А второй, не ожидавший такого поворота, не успел увернуться от пинка Витовта и отлетел в сторону, скорчившись от боли. Дорога была свободной.

Он шел по коридору тихой львиной походкой. Дойдя до двери опочивальни Великого магистра, он рывком открыл дверь. Конрад сидел к нему спиной, а на его коленях восседала смазливая городская служанка. Она первая увидела вошедшего и стыдливо прыгнула с колен магистра. Фон Юнгинген резко, негодуя, повернулся и уже готов был обрушиться на вошедшего смельчака потоком громких угроз, но, увидев князя, растерянно поднялся:

– Ты?! – словно убеждаясь в увиденном, произнес он.

Витовт усмехнулся.

– Уже начинаешь забывать меня, дорогой Юнгинген, а когда-то мы были почти друзьями.

Но магистр уже пришел в себя, растерянность его мгновенно растворилась.

– Время меняет все, – буркнул он. – Зачем пришел? – спросил он, даже не приглашая Витовта сесть.

– Время, – князь присел, – Великий магистр, не терпит. Я могу потерять единственную дочь. Это все, что у меня осталось. А дороже ее у меня никого нет.

Магистр прошел, не глядя, мимо князя и подошел к окну. Там он увидел, как служанка юркнула в карету. Он проводил ее взглядом до самых ворот. Карета выехала беспрепятственно. Магистр вздохнул с облегчением, и душа его подобрела.

– Надеюсь, князь, вы здесь никого не видели? – склонив голову, спросил магистр.

– Никого, – подтвердил Витовт.

– Вот и хорошо!

Он вернулся на место и стал, загибая пальцы, перечислять, что орден ждет от него.

– Я все исполню! – убитым голосом ответил князь. – Только бы спасти дочь!

– Крепись, князь, – магистр подошел к нему и положил руку на его плечо, – мы постараемся...

Глава 7

На следующее утро после ночного избиения Василия, друзья, затеявшие это покушение, собрались у Кирдяпы. Пришел туда и Александр, тверской княжич. Они ему рассказали, что побили Василия. Но на их сообщение Александр не отреагировал и вскоре ушел. Семен удивленно посмотрел ему вслед и, повернувшись к Кирдяпе, сказал:

– А чей-то он себя так повел?

Кирдяпа пожал плечами. А Родослав заметил:

– Сам нас надоумил на это, а щас умывает руки.

Семен добавил:

– Струхнул княжич, еще пойдет к Ваське и все расскажет.

– Да ну, – отмахнулся Кирдяпа, – не скажет!

А у самого сердце зашло от этих слов. «Действительно, а что, если Алексашка проболтается? У Васьки людев-то больше. Нет. Тут мне оставаться боязно. Надоть... бежать», – вдруг неожиданно для себя решил он. Свою подготовку он тщательно скрывал даже от Семена, своего брата.

Семен, однажды проходя мимо кладовой, через полуоткрытую дверь заметил в ней брата. Тот клал в мешок сало.

– Ты че тут делаешь? – спросил Семен, заглянув в кладовую.

– Я? – испуганно воскликнул тот, повернувшись к Семену. – Да... вот... сало хочу спрятать в мешок и подвесить. – И добавил: – От мышей.

– А! – понятно произнес Семен и пошел своей дорогой.

А через несколько дней Кирдяпа и два воина из охраны куда-то исчезли.

На другой день Семен, не видя брата, забеспокоился и побежал к Родославу, надеясь его застать там. Но Родослав ответил:

– Он ко мне не приходил. Может, у Алексашки?

И они вдвоем пошли к тверичанам. Но и там Кирдяпа не появлялся. Троица занялась гаданием:

– Уехал на охоту, – произнес один из них.

– Он бы сказал, – ответил другой.

– Да, – протянул Семен.

– Может... рыбалит? – высказал предположение Александр.

– Да он в руках уду никогда не держал, – заметил Семен.

– Может... подался в Кафу?

– Че ему тама делать? – вздохнул Семен.

– Не горюй, объявится, – бодро сказал Родослав.

Но он не объявился ни завтра, ни в последующие дни.

– Все же... видать... утонул, – при новой встрече предположил Александр.

И они пошли в церковь, чтобы в память о нем поставить свечу.

Весть об исчезновении княжича побежала по Сараю и дошла до ушей хана. Тохтамыш приказал смотровым дать сигнал, если объявится княжич. В свое время, когда он пришел к власти и хотел совершить скрытный поход на казачество, которое своими набегами сильно докучало ханству, кто-то из его мурз сказал, что внезапного налета не получится: они выставляют бекеты.

– А что это? – спросил хан.

– Да, стража, – ответили ему.

Хан это дело засек и приказал окружить свои земли такими же стражами. Разработали и свои сигналы. Например, длинный, а затем короткий свет – это побег. Где искать беглецов,

они хорошо знали: по лощинам, лугам, глухим зарослям. Проход через высокие заросли был один: узкая тропа. На ней татары и устроили засаду.

Беглецы ехали спокойно, подремывая в седлах, уповая на то, что в таких зарослях они в безопасности. Из-за узости тропы они ехали друг за другом. Впереди и сзади – воины, посередине – княжич. Татары, заметив их, быстро разгадали, кто из них княжич. Один из татар, встав на спину коня, ловко бросил аркан. Кирдяпа успел только схватиться руками за веревку, как полетел на землю. Растерянные стражники не знали, что делать. Их тут же повязали.

Кирдяпу вели по Сараю, связанного по рукам и ногам. Большинство жителей не знали, кого ведут. Но было видно, что он русич. На него страшно было смотреть. Хан приказал до разбора бросить его в яму.

Москвичи узнали про это от людей. А Василий, услышав об этом, никак не отреагировал. Все его помыслы были заняты другим: предстоящим обучением. Алберда согласился поучить своего «брата» борьбе. Курс был коротким. Чтобы продолжить его, он предложил съездить к аварам, которые небольшим племенем жили вниз по реке, сказав, что у них есть учителя получше. Василий, подумав, согласился и сказал своим, что его несколько дней не будет. Куда он собирается и зачем, пояснять не стал. Бояре спрашивать побоялись, хорошо помня его прошлый поступок.

Лезгины, видать, хорошо знали Алберду, потому что встретили его как родного. За несколько дней проживания в гостях у аваров они, особенно Василий, кое-чему научились.

Возвращались друзья довольные поездкой, рассуждая, как будут биться с татарами. В середине разговора Алберда вдруг спросил:

– Василь, а ты кто будешь?

Василий даже растерялся.

– Я... да... я холоп боярский, – ответил он, отворачивая в сторону лицо, чтобы тот не догадался об его обмане.

Василий ответил так потому, что нутром чувствовал: назови он свое настоящее положение, Алберда, скорее всего, от него отвернется. А терять его, ой, как не хотелось. Ему надоело постоянное угодничество бояр. А с ним было просто и радостно, он чувствовал себя на равных. И терять такое отношение княжич не хотел.

Взгляд Василия натолкнулся на жирного суслика, который свечой стоял на крошечном пригорке.

– Ишь, – удивился он, – как на страже стоять, – и рукой показал на зверька.

– А я шас его!

Алберда сдернул лук, заправил его стрелой и... пригвоздил зверька к земле. Тот дернулся и затих.

– Слезай, – сказал стрелок. – Жарить будем.

Василию такое добро есть не приходилось. Он осторожно взял лапку, с которой на землю капал жир, и немного откусил. Мясо было нежным и вкусным. Они быстро разделились со зверьком. И стали посматривать, не встретится ли еще подобная добыча. Но степь была голой. Ночь застала их в пути, и они начали укладываться спать. Алберда развязал свою переметную суму. В ней оказалась овечья подстилка и толстое шерстяное покрывало.

– Давай ко мне, – предложил Алберда, – ночью-то холодно.

Они легли рядом. На них смотрело звездное небо. Громко трещали кузнечики, кричали какие-то птицы, проносились испуганно зайцы.

– Ишь, степь заговорила, – задумчиво сказал Алберда.

Его голос заставил Василия задать вопрос:

– Скажи мне, брат, а че ты был все время таким грустным?

Алберда долго не отвечал. Василий даже решил, что тот не ответит. Но он заговорил.

– Знашь, – голос его был глуховатым, – раньше я никогда не думал о девчатах. Как-то считал... Да ниче я не считал. Просто не было у меня никакой тяги к ним. Скажи, – он повернулся на бок, лицом к Василию, – Васька, а ты смотришь на них... ну, как те сказать... брала кака за сердце?

– Не-е, – покачал головой Василий.

– Вот так и я жил. Да наскочил...

И он рассказал все о своей встрече с Ольгой. Закончив повествование, Алберда спросил:

– Как ты думаешь, куды она делась?

Василий пожал плечами.

– Може... хворает.

– Може, – тяжело вздохнув, согласился Алберда.

Василий понял, что парень сильно переживает, и удивился: «Это о девке!» – но вида не подал.

– Не горюй, брат, вернемся, а она на берегу тя поджидает.

– Може, поджидает, а може... и нет. Как я ненавижу етих мурз! Им все можно. Схватить каку девку. А Ольга она... не поддалась. Може, опять етот сыночек Едигея потянул ее. Да она умрет, а не пойдет за него. У-у! – Он ударил кулачищем по земле и поднялся. – Попадись он мне один, я бы с ним не знаю, че бы сделал.

– Да успокойся, брат, – Василий обнял его за плечи, – ложись. Завтра приедем и все узнаем.

Он лег. Потом пробурчал:

– Давай спать.

Утром призывный запах жареного мяса поднял Василия. Княжич любил поесть. Аппетит у него был зверский. Поднявшись, он увидел, как на вертеле жарились с десяток сусликов. Завтрак был отменным.

К обеду они увидели позолоченные купола мечетей с их серповидными полумесяцами. Вскоре они уже прощались, направляясь каждый в свою сторону. Василий только заметил, как заторопился Алберда. И понял, что он ради него пожертвовал своим временем. «Торопится узнать, что с ней», – подумал Василий и прищипил коня. Он не ошибся.

Внезапное появление в хорах Василия вызвало легкий переполох. Бояре быстро собрались в светлице, ожидая княжича и его повествование о своем отсутствии. Василий вошел, сурово сдвинув брови. Он успел помыться и переодеться. Кое – кто отметил про себя некоторую в нем перемену. Княжич выглядел более мужественно и уверенно. Василий ничего не стал говорить, а пригласил энергичным жестом присутствующих за стол, который служки заставляли брагой, винами и закусками.

– А мне каши с маслом, – бросил княжич, усаживаясь за стол.

– Ну, как живали? Есть что из Москвы?

Спрашивая, он даже не взглянул на Кошку. Бояре растерялись, как быть. Но все же начал Кошка:

– Мы, княжич, – он кашлянул, – весьма беспокоились о тебе. И рады видеть тя в прекрасном настроении. Московских вестей пока не получали.

Он замолчал. Но кто-то шепнул довольно громко:

– А Кирдяпа?

– Да, – опять кашлянув, а это говорило, что боярин нервничает, заговорил Кошка: – Кирдяпа пытался бежать, но татары его схватили и связанным, как какого татя, провели по городу.

А на следующее утро он держал путь к Алберде. Нашел его в мрачном настроении.

– Что с тобой, брат? – участливо спросил Василий, присаживаясь рядом.

– А-а! – отмахнулся тот.

В темном углу раздались какие-то звуки. Василий повернул на шум голову. Приглядевшись, увидел старого Алберду.

– Кто посмел обидеть мойво брата? – глядя в сторону деда, спросил Василий.

– Едигеев сын, Мурат, хотить продавать девку, – сообщил старик.

Василий повернулся к Алберде, но тот отвернулся в сторону.

Вскоре Василий заторопился к себе. Вернувшись, он приказал найти Кошку, чтобы тот немедля был у него. Кошка был у себя, так что искать не пришлось. Услышав, что его кличет княжич, он на крыльях полетел к нему.

– Слушаю, ве... княжич, – несколько заискивающе произнес он.

– Вот что, Федор, – Василий рукой указал на кресло, – ступай в Едигеево стойбище и купи там девку. Звать ее Ольга.

На лице боярина появилось удивление.

– Не мне, – сказал Василий, поняв боярина, но пояснять не стал.

– Княжич, дозвошь узнать... цену.

– Сколь запросят, столь и отдашь. Но чтобы купил. Понял, боярин? – последние слова были сказаны не допускающим возражения тоном.

– И... сюды ее? – неуверенно спросил боярин.

– Узнай, есть ли здесь наши купцы. Если есть, отправишь с ними. Накажи, чтобы берегли ее пуще своих глаз. Если что произойдет, шкуру спущу. – Сказав, он глотнул водицу. И продолжил: – По прибытии проводить ее в монастырь к игумене Феодории. Пусть скажут, что я просил ее принять и беречь.

– Слушаюсь, княжич. Все будет исполнено. Не сумливайся.

Федор откланялся и вышел из светлицы. Оставшись один, княжич лег на лежак. В голове всплыло сообщение о том, что Кирдяпа пытался бежать. Это заставило его задуматься и почему-то потянуло домой.

Глава 8

Полдень. По главной вильновской дороге, недавно выложенной камнем, гремя подковами лошадей и железными обручами колес, в сторону замка двигалась изящная карета, запряженная цугом. Ее сопровождали с десятков вооруженных всадников. То ехал на смотрины по приглашению великого литовского князя молодой польский вельможа Сигизмунд Чарторийский.

Подъехав к закрытым воротам замка, карета остановилась. Из нее выпрыгнул шляхтич, сопровождавший княжеского отпрыска. Он решительно подошел к воротам и грохнул пару раз по ним кулаком. Но ответа не последовало. Шляхтич осмотрелся, увидел булыжник, поднял его и им ударил по воротам. В ответ услышал:

– Хтой тама? Чего надоть? – закричали изнутри.

– Князь Сигизмунд Чарторийский по приглашению великого литовского князя.

Ему ничего не ответили, но ворота вскоре дрогнули и, скрипя петлями, стали медленно открываться. Во время ожидания к ним подскочил какой-то всадник. Сразу было видно, что тот прибыл с дальних краев. Он с ног до головы был забрызган грязью. По грязному лошадиному крупу ручьями лил пот. Видимо, хозяин сильно торопился.

– По имыновану вэлэнию кназа! – прогремел требовательно его голос.

Стража переглянулась меж собой: кого пускать первым? Это мгновение решало судьбу одного человека. Кто первый попадет к Ягайлу? Если поляк, – судьба Софьи будет решена в пользу Ягайла. Если этот всадник... все наоборот.

Конь под всадником нетерпеливо забил копытами и, задрав голову, заржал. Громко, недовольно.

– Давай, – махнул стражник всаднику.

Подъехав к крыльцу, всадник соскочил с коня и бросил поводья подскочившему стражнику. Тот как-то растерялся, а человек, ступая через ступеньку, направился в замок.

Ягайло был в кабинете и диктовал писарю письмо венгерскому королю. «...Я бы полагал, что вы, Ваше Величество... Ваше Вели...» – хотел повторить он, но внезапно открывшиеся двери кабинета прервали его. Ягайло грозно взглянул: кто посмел? Но увидев высокого, в грязи человека, почти бросился к нему.

– Вэлыкий кназ, жмудскиэ полкы пэрэшлы к Витовту. Он и Вэлыкий магыстр Конрад Цольнэр объэдэняють своы войска.

У Ягайло перехватило дыхание. Он вцепился в спинку стула с такой силой, что захрустели пальцы. Потом, с силой двинув стул под стол, взглянул на прибывшего и спросил:

– Отдохнешь?

– Нэт, – твердо ответил тот, – мэна могут схватыцься.

Ягайло понял и кивнул головой. Вернувшись к столу, он достал ключик и открыл ящик. Там, в мешочках, лежали деньги. Он взял один из них и, подойдя к осведомителю, вложил в его широкую ладонь. Тот молча опустил мешочек в карман, кивнул и направился к двери.

Не успела она закрыться, как открылась вновь, и на пороге появился служка:

– Великий князь, – начал он, – на прием явился князь Чарт...

И вдруг Ягайло рассвирепел:

– К дьяволу князя. Немедля воеводу!

Сигизмунд Чарторийский услышал слова хозяина. Он нервно повернулся и бросил сопровождающему:

– Пошли.

Дорогой тот постарался успокоить молодого князя.

– Плохую весть принес этот человек. Видать, опять война...

– А мне плевать, – не успокаивался князь, широко шагая, – больше я сюда ни ногой...
– Э, – произнес шляхтич, не успевая за князем, – дураком будешь, если позовут, а ты не поедешь. Говорят, княжна больно хороша.

Услышав эти слова, Сигизмунд убавил скорость.

Воевода явился быстро. Это был грузный, с большой косматой головой человек, с довольно широкими плечами. Он запыхался и без приглашения рухнул в кресло.

– Ух-х! – выдохнул он, обтирая тряпицей потный лоб. – Что случилось, Яков?

Ягайло, приняв христианство, получил такое имя.

– Случилось, – и, пнув ногой стул, сел рядом. – Братец на меня собирает полки. И куда смотрел этот Скиргайло, как мог он отпустить полк. Неуж родной братец и тот предал?

– Не, – проговорил воевода, пряча тряпицу, – просто там любят Витовта.

– Любят... – Ягайло вскочил с кресла, – при чем тут любовь? Сбавь я налоги, они и меня полюбят. А что ты, – он ткнул в воеводу пальцем, – жевать будешь?

Воевода ничего не сказал, только скосил глаза, потом спросил:

– Цольнер с ним?

– Конечно! В том-то вся проблема. Че будем делать?

– Отступить, – ответил воевода.

– Как отступить? – Князь свысока посмотрел на него.

– А так... ногами. Тогда мы сохраним войско. А Цольнер быстро уйдет. Щас осень, ему надо собирать дань. Да и полки жмуди разбегутся: им надо собирать урожай. – И воевода хитро посмотрел на князя.

– А ты у меня голова! – похвалил его Ягайло.

А пока Цольнер с Витовтом победно двигались по Литве. Троки, его родные Троки были взяты! Ягайло бежал, почти не сопротивляясь. Вскоре все Троцкое княжество вновь встало под хоругви Витовта.

Цольнер появился в замке Витовта неожиданно. Хозяина поразило, что он был одет по походному. «Неуж... назад собрался?» – подумал князь и жестом пригласил того к креслу. Рыцарь, звеня шпорами, подошел и осторожно присел. Витовт вопросительно посмотрел на него.

– Я пришел... – он заерзал в кресле, – сообщить тебе, что мы уходим.

«Так я и знал», – подумал про себя Витовт и спросил:

– Когда?

– Сейчас. Не могу больше терять время. А то останутся мои люди на зиму без прокорма.

Чтобы утешить хозяина, опечаленного сообщением, магистр сказал:

– В помощь тебе я оставляю здесь гарнизон.

Витовт в другое время мог бы предложить в этом деле свои услуги, но... сейчас... Он сам был почти нищ. Они попрощались, и Витовт проводил магистра до ворот.

– До встречи. – Магистр поднял руку и дал шпоры лошади.

– С тобой лучше не встречаться, – тихо прошептал Витовт, однако тоже поднял руку.

Весть о том, что Цольнер оставил Витовта, быстро докатилась до Ягайло. Как раз в это время у него был воевода. Услышав эту весть, он усмехнулся и произнес:

– Видишь, князь, как я те говорил. Ну, я пойду... – он хлопнул по своим толстым ногам, – надо поднимать полки.

Витовт хорошо знал двоюродного брата, и не ожидал от него такой прыти. Буквально через несколько дней тот с войсками появился под стенами Троков. Прав воевода был и в том, что полки из жмуди просто растают. Все спешили убрать урожай.

Обложив Троки со всех сторон, Ягайло потребовал от гарнизона сдачи и, главное, выдачи Витовта.

– Без него вас ждет смерть, – добавил переговорщик.

Командир гарнизона попросил немного времени, а сам явился к Витовту и объявил, что гарнизон не в силах оборонять город от такого врага и должен выдать князя по требованию врага.

Витовт гневно взглянул на немца.

– Вы предаете меня второй раз, – не сдержавшись, бросил он.

– Этого я не знаю, – отрезал немец, – прошу следовать за мной, – и направился к двери.

Витовт последовал за ним, но, когда тот перешагнул порог, князь запер за ним дверь и быстро переоделся. Немец, поняв, что его обманули, завопил во все горло. На помощь прибежали несколько рыцарей. Услышав, в чем дело, они стали ломать двери. Когда им удалось ворваться в комнату, она была пуста. Витовт бежал через потайной ход.

Для князя, когда он очутился в диком лесу, путь был один – на запад. Обросший, в изодранной одежде, чем напугал магистра, явился перед ним беглый князь. Увидев его в таком виде, магистр ужаснулся, в нем проснулась совесть. Князь выполнил все свои обязательства, а он...

– Не печалься, князь, – магистр подошел к нему, – на этот раз я сделаю так, чтобы он больше не смог повторить своей победы.

Магистр обнял князя и подвел его к столу. Там лежала какая-то большая бумага, а на ней были непонятные рисунки.

– Это карта твоего княжества и прилегающих стран. Вот твои Троки. Вот Вильня, а это... Ковно.

– Так он разрушен, – проговорил Витовт, понимая, куда клонит магистр.

– Вот здесь мы и построим свою крепость. Ей уже есть название – Риттерсвердер.

Витовт поднял на магистра глаза. Взгляд его был тяжел. Магистр понял князя: возведенная на этом месте крепость – это ключ к развалу Литвы. Так немцы поступали с прусами.

– Тебе что-то не понравилось? – поинтересовался магистр.

– Да... нет... только стоит ли? Напугаете...

– Ничего, вытерпят, – ответил магистр, – ты поможешь.

Витовт ничего не сказал по этому поводу, а пожаловался, что сильно устал, что хотелось бы помыться и выспаться.

– Надеюсь, мои покои не заняты? – спросил он.

– Нет-нет, иди, отдыхай.

Немцы не откладывали исполнение задуманного. Сам Великий магистр собрал и повел людей на строительство новой крепости. И вскоре ее высокие грозные стены, как нож перед сердцем, напугали Литву.

К Ягайле явился воевода. Он опять торопился и тяжело дышал. Не спрашивая разрешения, рухнул в кресло, достал платочек:

– Те, князь, если хочешь им остаться, немедленно, слышишь, немедленно надо мириться с Витовтом. Если немчура там закрепится, нам – смерть.

Понял это и Ягайло. Это было видно по его испуганному лицу.

– Что мне делать? – прошептал он.

– Пошли доверенного человека. Пусть он тайно разыщет Витовта и даст согласие от твоего имени на все его требования.

– Я напишу ему письмо, – заявил князь.

Воевода задумался.

– Это... опасно, – неуверенно сказал он, – хотя пиши! А то Витовт скажет, что словам не верит.

Витовт только что вернулся из поездки в новую крепость Риттерсвердер. Да, это было внушительное сооружение. Пожалуй, на их землях такой крепости не было. Настроение у

него было прескверным. Он понимал всю глубину немецкого заговора против Литвы. Укрепившись там, они построят новую и...

Дом, в котором он проживал, находился на тенистой от деревьев, тихой улице. Она была пустынна. Взявшись за веревку от колокольчика, он вдруг услышал за спиной тихое:

– Князь!

Витовт оглянулся. От дерева отделилась чья-то фигура. Князь взялся за рукоять меча.

– Князь, не бойся! Я – Ставор!

Витовт хорошо знал помощника Ягайла. Когда тот подошел, он узнал его.

– Что тебе надо? – не очень дружелюбно спросил князь.

– Тебе письмо от брата.

Он достал из-за пазухи сложенную в несколько слоев бумагу и подал князю.

– Завтра в это время я приду за ответом. – И, оглянувшись, исчез за деревьями.

Прочитав его, Витовт узнал старого своего друга. Да, тогда он верил ему, а не отцу и... Ладно, что было, то было. В письме Ягайло писал, что помимо Торцкого княжества, он приписывает ему еще несколько волостей и возобновляет прежнюю братскую любовь.

На второй день, как и условились, он встретился со Ставором и подал ему маленькую бумаженцию. Там было всего два слова: «Я согласен».

Возвращаясь к себе, Витовт по пути зашел к воеводе. Он сидел за столом и начищал меч.

– На кого точишь? На литовца? – кивая на оружие, спросил Витовт, присаживаясь напротив.

Воевода тяжело вздохнул, потом ответил:

– Будь моя воля, я бы этих по... – Он закашлялся.

Видать, схитрил. Сказать, что он бы пустил этот меч против нынешних недругов, не решился. Витовт понял это и закончил за него, сказав:

– Поганных рыцарей!

Воевода поднял голову и посмотрел на него такими глазами, что князь рассмеялся. Потом, посмотрев на дверь, тихо сказал:

– Готовь полки, будем брать их замки.

Прежде чем приступить к военным действиям, Витовт заехал в православную церковь. Он из католической веры вновь перешел в православие. Помолившись и попросив поддержки, отправился в дальнейший путь.

Когда Цольнеру доложили, что Витовт взял два их замка, магистр не поверил.

– Я не люблю таких шуток и ссоры с Витовтом не допущу! – заявил он громогласно.

– Великий магистр, – обратился к нему рыцарь, сообщивший эту весть, – во дворе вас ожидают те, кому удалось спастись от вероломного нападения литовцев.

– Но это могут быть совсем другие литовцы, а не воины Витовта, – не сдавался магистр, набрасывая на плечи мантию.

Да, во дворе толпилась горстка людей. По их изодранной одежде все же можно было понять, что это воины. Подойдя к ним, магистр произнес:

– Дети мои, он мне сказал, – Цольнер кивнул на рыцаря, – что люди Витовта захватили наши замки. Это правда?

– Да-да, – вразброд ответили они.

– А вы не ошибаетесь?

Магистр не хотел признать измену того, которому он оказывал столько раз помощь.

– Он, Великий магистр, он! Мы видели его в первых рядах нападающих.

Магистр поморщился, подумав про себя: «Да, один человек мог ошибиться. Но столько людей...» Он резко повернулся и торопливо пошел к зданию. Последовавшему за ним рыцарю магистр приказал созвать к нему тех командиров, которые остались в городе. Таких

оказалось трое. Цольнер критически осмотрел присутствующих и скривил лицо. Они могли привести за собой десять – двенадцать тысяч воинов. Жалкая горстка! Но что делать. Не ждать же, пока все соберутся. И он решил посвятить их в случившееся. Подняв крышку чернильницы, которая была сделана в виде шлема, он покрутил ее, заглянул для чего-то вовнутрь, опустил на место и произнес:

– Господа, нам вновь грозит смертельная опасность.

От этих слов у присутствующих окаменели лица. Не мигая, они уставились на магистра. А он опять приподнял крышку и со звоном опустил на место. Присутствующие поняли, что магистр сильно нервничает, но упорно не произносили ни звука.

Наконец он выпалил:

– Витовт изменил нам и встал под знамена своего врага, Ягайла.

– Чего можно было ожидать от этого литовца, – промолвил один из них.

В его голосе магистр почувствовал осуждение, и ему, посчитал он, надо было объяснить.

– Наше положение незавидное, – начал он, поглаживая все ту же крышку, – и чтобы получить помощь в нашей борьбе, приходится идти и на то, что вчерашний наш враг Витовт становится нашим э... то есть мы вместе идем на нашего врага Ягайло. Не будь Витовта, мы бы никогда не смогли построить Риттерсвердер. А теперь это наш бастион, плацдарм, который поможет наконец-то победить нашего врага.

– А если, – поднялся невысокий, но крепко скроенный командор, – они, объединив свои силы, постараются взять эту крепость?

– Вот почему, – заговорил магистр, не дожидаясь, когда тот сядет, – я собрал вас. Нам срочно надо собрать отряд и отправить его на помощь гарнизону.

Командоры задумались. Потом подал голос этот коротышка:

– Магистр, я боюсь, – он посмотрел на присутствующих, – наших сил не хватит.

– Но пока мы будем собирать, они действительно могут ее взять.

Все поняли, что им придется собирать своих людей и выступать. Магистр во многом предвидел ход развития предстоящих событий.

Витовт, доказав на деле, что прислушался к словам брата, явился к нему в Вильно с предложением: объединить силы и взять новую крепость:

– Брат, нам надо срочно взять крепость Риттерсвердер, а то она сковывает все наши силы. Это наша общая угроза!

Ягайло, улыбаясь, вышел из-за стола и подошел к Витовту, пытаясь его обнять.

– Оставь ты эти нежности, – отводя его руку, произнес князь, – скажи лучше, где моя Софьюшка?

Ягайло передернулся и, вернувшись в свое кресло, ответил:

– Брат, твои слова меня обижают. Я могу их понять так, что держу ее в подземелье. Она сейчас... я точно не знаю... – замялся он, – хотела ехать в Киев, куда уехала ее тетка Иулиания. Она мне сказывала, что туда должен приехать митрополит всея Руси. Вот матушка и мечтает с ним встретиться. Да найдем! – махнул он рукой. – Вот возьмем эту крепость и всех, кого надо, разыщем. Ох, и погуляем на свадьбе твоей крали!

Крепость была взята. С ее падением роль и весомость Ягайло сильно возросли. Особенно возрос интерес к нему его южных соседей.

Глава 9

Жизнь не стояла на месте. Где-то гремели клинки, где-то готовились заговоры, где-то клялись в вечной любви, а потом спокойно предавали, где-то... По большому счету Московия избежала этого. Но большой радости она не испытывала. Со времен Калиты эта земля стала оазисом спокойствия и бурного развития.

Казалось бы, собрав силы для великого дела и совершив его на Куликовом поле, победа должна была бы принести Руси дальнейшее спокойствие и процветание. Но, как говорили старые люди: человек предполагает, а Бог располагает. Враг нашел в себе силы и нанес ответный удар. Правда, его победа не обошлась без хитрости и обмана. Да и попить он успел всего три дня, а потом постыдно бежал. Но сбрасывать его со счетов было рано. И он это подтвердил еще раз: Тохтамыш потребовал у московского князя восемь тысяч рублей, чтобы возратить из орды наследника. Раньше бы Московия, не задумываясь, отдала бы и больше. Но последствия этих трех дней были тяжелыми. Казна оказалась пустой. Но Московия не была бедной. Кое-что осталось, и это позволило встать на ноги. Но все же в эти дни собрать столько денег, значило бы остановить начатое восстановление, оставить десятки тысяч людей без крова и еды. А это – рубить свои корни. Дмитрий Донской допустить этого не мог. Хотя мысль, что он не может спасти сына-наследника, отдавалась в груди жестокой болью.

Дмитрий хорошо помнил тот черный день в его жизни. Он только что вернулся после объезда мест, подвергшихся нашествию Тохтамыша. Душа переворачивалась, глядя на то, что натворили непрошеные гости, но она и ликовала, видя, как люди, словно муравьи, взялись за обустройство своей жизни. И великий князь сопереживал вместе с ними это горе. С чувством удовлетворения вернулся князь домой. И вот долгожданное письмо из Орды. Отписывал Кошка. Он в ярких красках сообщил, как вел себя Василий у хана, как ему удалось обставить тверцев. Дьяк читал, а у князя глаза светились от радости.

Но вот дьяк дошел до строчек, где сообщалось, что хан требует выкупа. Услышав эти слова, князь, не сдерживаясь, закрипел зубами, а руки сжались в кулаки с такой силой, точно он увидел перед собой врага. Князь в ярости заходил по комнате.

Немного успокоившись, князь присел на одр. Дьяк сидел, не шелохнувшись, а князь уставился в пол. Наконец он поднял голову.

– Внук, – он посмотрел на дьяка, – хан хочет меня разорить дотла, чтобы Московия больше не поднялась. Вот! – он сделал фигу и потряс ей: – Что хан от меня получит. Но отпиши ему, что как соберем деньгу, сейчас же и отправим. Пушай ждет, собака! Так напиши, чтобы пока у хана зла не вызывать. Василию опиши, че и как у нас.

Бояре, сопровождавшие Василия, заметили, как сильно поменялся их князь задрожавшись с Албердой. Хандра, охватившая было его, пропала, как весенний снег. Князь был наполнен жизнью, для них непонятной, скрытой. Но они видели, что менялся Василий с лучшую сторону: становился более рассудительным, но и более жестким. Сейчас боярин Кошка денно и ночью занимался каким-то поручением княжича, о котором никому ничего не говорил.

Одно дело у него не получалось. Мурат наотрез отказался продавать девку за любые деньги. И боярин надеялся только на его отца Едигея, который отбыл невесть куда. Едигей был хитрым и умным человеком. Их пути однажды пересеклись. Еще в период Мамаева правления Едигей был его правой рукой. Тогда они встретились на переговорах и поняли друг друга. Дело решили так, что оба хозяина остались довольны. Вот на него-то и надеялся Кошка. А пока...

Василий пришел к Алберде, но того не оказалось на месте. Старый Алберда только пожимал плечами. Поучившись у него татарскому, Василий пошел домой. Так продолжалось несколько дней, и Василий понял, что его друг в одиночку пытается что-то сделать. Ему хотелось быть рядом, помочь другу. Но где он?

В один из дней Василий направился, как обычно, к старому Алберде. Подходя к его выцветшему шатру, он уловил вкусный и необычайный аромат. Входя в шатер, княжич подумал: «Что-то у старого случилось». И увидел его сидячим, калачиком свернутые ноги. С обеих сторон горели, коптя, фитили, опущенные в мисы с жиром. Поза его была какой-то застывшей, и он не ответил на приветствие Василия. «Что это с ним?» – подумал Василий и услышал, что кто-то словно заворочался на лежанке. Он повернул голову и увидел, что там кто-то лежал, укрывшись с головой накидкой. Княжич подошел на цыпочках и приподнял край накидки. О, господи! Он не поверил своим глазам: под ней лежал его «брат». Василий опустил накидку и осторожно примостился рядом. Раздался заспанный голос:

– Василь, это ты?

– Я, я, – обрадованно ответил он.

С его языка едва не сорвались слова: «Где ты пропадал?» Но он сдержался от вопроса. «Захочет, сам скажет», – решил он.

Тот какое-то время полежал, потом неожиданно резко поднялся.

– Ты пойдешь со мной? – спросил Алберда, глядя на приятеля.

У княжича опять в голове закрутился вопрос: «Куда?» Но что-то сдержало его об этом спросить. И он ответил кратко:

– Пойду!

– Ты сможешь достать пару хороших оседланных лошадей? – спросил Алберда.

– Попробую, – не очень уверенно ответил Василий.

– Постарайся. Завтра надоть ехать. Я тя жду с рассветом, – сказав это, он вновь лег, укрывшись с головой.

К этому времени старый Алберда как бы пришел в себя.

– Она долго не был, – он кивнул на молодого, – очена устала, пушай она спита. А твоя садыся, истить будышь.

Старик поднялся, откинул полог перегородки и скрылся на другой половине. Вскоре он вернулся с большим блюдом – на нем дымились куски душистого мяса. Блюдо поставил перед Василием, который научился, к радости старика, сидеть по-татарски.

Хотя Василий был сыт, но аппетитный запах заставил его взять кусочек. Василий понял, что это была баранина. Но как приготовлена. И он принялся ее уписывать.

– Как ты, Алберда, ее приготовил?

– Моя развела огонь в яме...

– И че, в яме он жарился?

– Да-да! – закивал головой старик.

– Ох, и хорош барашек, – рассмеялся Василий.

Затем, вытерев бороду, поднялся.

– Благодарствую тя, Алберда. Смачна твоя еда. Я пошел. Коней надоть искать, – пояснил он.

На следующий день, едва начало светать, Василий появился у албердовского шатра на коне, ведя в поводу второго коня. Молодой Алберда набивал в шатре чужал разными припасами. Услышав лошадиное ржание, выглянул наружу.

– Здоров будь, – поприветствовал он княжича, выходя из шатра, чтобы осмотреть лошадей. – Добры коняги, татарам на своих вряд ли угнаться.

В голове Василия пронеслось: «Значит, едем к татарам!» Но он и вида не подал, что это его встревожило.

– Щас, – произнес Алберда.

Вскоре он вышел. В его руках был мешок, наполовину чем-то заполненный. Бросив его на спину лошади, пояснил:

– Овес.

Еще он вынес колчаны, набитые стрелами, луки и легкие мечи. За спиной виден был мешок, чем-то набитый. Подав оружие Василию, он приторочил меч и колчан к поясу, лук забросил на плечо и легко вскочил на коня. В это время вышел старый Алберда. Молодой склонился, и они потерлись щека об щеку. Затем старик подошел и к Василию. Простились.

Ехали молча. Василий, держась рядом, изредка поглядывал на своего задумчивого друга. «Что-то обдумывает», – подумал он и не стал приставать с вопросами. Путь их лежал на северо-восток. Степь пробуждалась.

Был разгар лета. Во многих местах, как плешинки, просматривались выгоревшие места. Но еще сохранилась и растительность. Серебрился ковыль, переливаясь при малейшем дуновении ветра. Бледно-зеленые заросли полыни с горьким, специфическим запахом. Их сменяло озерко типчака и... голая земля. На горизонте маячили заросли кустарников.

Василий в степи был впервые, и все ему было интересно. Удивило, как Алберда находит дорогу. Куда ни погляди, все одинаково. «Не то, что у нас, в Московии», – думал он. Вдруг послышались какие-то непонятные звуки. Он оглянулся и увидел, как какая-то огромная бурая птица, белесая снизу, с темными поперечными полосами на хвосте, поднималась ввысь.

– Курганник, – впервые за всю дорогу промолвил Алберда. – А вон орел, – и показал рукоятью плети вперед и вверх.

Василий глянул туда и замер: таких огромных птиц ему не доводилось видеть.

– А это что? – Княжич показал вперед, где у норы важно сидел какой-то толстый звереныш с короткими ушами.

– Ишь ты, – увидел его и Алберда, – прям, как наш мурза.

Оба рассмеялись.

– Ты че не стрельнул? – спросил Василий, когда зверек от удара в ладоши Алберды, ловко нырнул в свою нору.

– Зачем? У нас жратвы по горло.

– Ох, вкусным мясом вчера мян угощал старый Алберда, – произнес Василий.

Алберда почувствовал, что друг проголодался.

Алберда остановил коня, спрыгнул на землю. Сняв с плеч мешок, достал из него две торбы, насыпал овса и надел на лошадиные головы.

Он достал лепешки, вяленое мясо. Быстро справились с едой, задали лошадям остатки овса.

– Пушай доедают, – сказал он и развалился на сухом овсяннике, заложив руки за голову. – А ты че не спрашивашь, куды едем? – поинтересовался Алберда, глядя в голубое бездонное небо.

– А зачем? Раз надо... так просто ты бы не позвал.

– Ну, Василь, – он повернулся на бок, – вот мы вроде чужи, а ты истый брат. – И опять вернулся в прежнее положение. – Гляди, опять орел, чей-то они разлетались.

– А у них нету старого Алберды, – рассмеялся Василий.

– Это ты прав... Да, он мне лучше отца. А едем мы, – он вдруг изменил разговор, – в логово Едигея.

– Че, – улыбнулся Василий, – брать его будем?

Рассмеялся и Алберда:

– Его возьмешь! У его воинов, как ковыля в степу.

– Так че мы тама делать-то будем?

Алберда вздохнул, потом ответил:

– Посмотрим, а потом обмозгуем.

Стойбище открылось перед ними внезапно. Расположенное в широченной балке, оно было спрятано от постороннего взгляда. Хотя чего им было прятаться. Шатры тянулись до самого горизонта. Весь стан, сколько его охватывал глаз, был усыпан, как звезды на небе, кострами. Был полдень, и люди готовили себе еду. Что это было так, подтверждал запах мяса и чего-то кислого.

– Ты че, Алберда, привел мяя суды пообедать? – смеялся Василий. Потом серьезно добавил: – Скажи, че мы здесь будем искать? Ольгу? Или еще че?

– Ну а че еще? – Алберда посмотрел на друга.

– Я думаю, брат, тута нам нихто ничего не скажет. В Сарае еще можно что-то узнать. Аль ты по-другому мыслишь?

Алберда молчал, сосредоточенно глядя на это людское скопление.

– Поехали, – проговорил наконец он, – тама разберемься.

– Поехали! – согласился Василий.

Но поехать им не пришлось. С обеих сторон их обступили татарские воины. От них отделился один воин. Подъехав к ним, он поочередно посмотрел на одного, на другого, потом спросил:

– Кто такие?

– Не видишь, что ли, русаки, – ответил Алберда.

– Русские мы, русские, – заговорил Василий, – я от купца Еремея. Он послал узнать насчет шкур. – Последние слова были произнесены с каким-то радостным возбуждением. – Мой хозяин хотит знать, есть они тута или нет. Если есть, как цена.

– А ето хто? – Татарин показал кнутовищем на Алберду.

– Этот? – Василий поглядел на друга. – Этот... мой проводник. Тута, в вашей степу, заблудиться, как плюнуть.

Татарин улыбнулся. Потом сказал:

– Ладно, езжайте. Спросите там мурзу Сарная.

Василий и Алберда переглянулись. Княжич достал из кармана серебряный рубль и бросил татарину. Тот ловко его поймал и быстро сунул за пазуху.

Спускаясь пологой дорогой, Алберда сказал:

– Ну и молодец ты, Василий. Я уж думал тово... схватют.

– Пока пронесло, – проговорил Василий, – но надо держать ушки на макушке.

Алберда засмеялся.

На подъезде к стойбищу их встретила целая стая собак. Почуввав в них чужаков, они вели себя весьма агрессивно. Пришлось пустить в ход плети.

– Ночью, брат, не проберемься, – заметил Василий.

Этой фразой он попал в яблочко. Алберда обдумывал этот вариант. Ему стало ясно: усиленная стража и эти собаки... да, пожалуй, надо что-то еще придумывать. А он-то ехал сюда с намерением узнать, где Ольга, и ночью ее выкрасть. Но князь Едигей оказался весьма осторожным человеком.

– Че, вертаем назад? – каким-то расстроенным голосом произнес Алберда.

И Василию стали ясны намерения его друга.

– Не тужи, брат, че-нибудь придумаем. А шас нельзя. У Сарная надоть побывать, може, че и узнаем.

По дороге им попадались то старухи, то старики. Спрашивал Алберда. Татарский он знал хорошо. Только третий старик показал шатер Сарная. Около входа в его шатер сидели на седлах два немолодых татарина. Когда Василий и Алберда остановились и слезли с коней, те поднялись и насторожились. Заговорил Василий. Он по-прежнему играл роль купеческого

посланника. Но теперь он старался говорить по-татарски. Это подействовало на охранников. Один из них вошел в шатер, но вскоре вернулся и, тыкнув в грудь Василия, произнес:

– Пошли.

Василий незаметно подмигнул Алберде и скрылся в шатре вслед за стражником. Мурза обедал. Он сидел на шкуре, скрестив ноги калачиком. Спину ему подпирали несколько подушек, набитых шерстью. Перед ним, на широкой доске, стояло огромное блюдо с кусками жареного мяса, кучка дикого лука с белыми головками и плоскими темно-зелеными стеблями, кувшин и глиняный бокал. Пальцы и рот были в жире. Обтерев тряпицей руки, он приложился к бокалу. Выпив, сытно рыгнул и спросил:

– Какие шкуры надобны?

– Какие есть? – вопросом на вопрос ответил Василий.

Мурза, повернув голову, крикнул. Вскоре из внутреннего шатра показался немолодой, с подозрительным взглядом татарин. Он склонился к мурзе, и тот что-то ему сказал. Татарин кивнул и вернулся во внутренний шатер. Ждать пришлось долго. Василий опустился на пол, застланный шкурами, и сел по-татарски. Мурза ухмыльнулся и подозвал его пальцем. Княжич, не вставая, попрыгал к нему. Это рассмешило татарина. Он подвинул к нему блюдо и сказал:

– Ешь.

Василий церемониться не стал. Выбрал зажаренный кусок. Краем рубахи вытер лицо и спросил по-татарски, чем запить. Татарин подвинул ему свой бокал. Василий и тут не церемонился. Взял кувшин и налил какой-то жидкости. Выпив, понял, что это был кумыс.

Трудно сказать, как бы продолжилась их встреча, но вернулся татарин. На плече у него, свернутые трубочкой, лежали шкуры. Он их развернул перед Василием и зацокал языком: мол, очень хороши.

– Щас посмотрю.

Княжич взял первую из них и начал рассматривать. Долго смотрел и высмотрел порез. Он засунул в него палец и покачал головой.

– Сколько? – спросил Василий.

Татарин ответил:

– Двадцать за рубль.

– Не! – Василий попытался подняться. – Пойду к мурзе Едигею. У ейво лучи и дешевле возьму.

Мурза взъерошился.

– Моя лучи, – произнес он по-русски, – а мурза нету и скоро не будет. – Теперь он говорил на своем родном.

– Есть Мурат.

– И Мурата нет. С Едигеем уехал, – сказал татарин.

– Когда вернутся?

Татарин пожал плечами, потом ответил:

– Не скоро. В Самарканд уехали.

Василий задумался.

– Тридцать за рубль отдашь?

Татарин отрицательно покачал головой.

– Ладно. – Поднимаясь, Василий промолвил: – Я скажу хозяину, но боюсь... не согласится.

Поклонившись, он пошел прочь.

Вернувшись, Василий рассказал о встрече. Выслушав его, Алберда спросил:

– А про Ольгу?..

Василий покачал головой:

– Мурза не дурак. Мовет и догадаться. Бросит нас в яму, и мы тогда ничего не сможем сделать. А пока мы на воле, есть надежда.

– Ты прав, – вздохнул Алберда, – буду искать деньги.

– Назад? – спросил Василий.

Алберда кивнул. Отъезжавших гостей увидел один татарин, и он узнал Алберду. Его заинтересовало, что здесь делает русский батырь. Узнав, что те были у мурзы, он зашел к нему и спросил, что за люди были у него и зачем приходили? Когда тот ответил, что к нему заходил посланец русского купца за шкурами, татарин заявил, что он вчера вернулся из Сарая и никаких купцов там нет.

– А второй – русский батырь. Зачем были? Что-то разведать? А что?

Мурза взревел:

– Догнать!

Было тихо. Степь точно вымерла. Все живое куда-то попряталось.

– Как тут люди могут жить? – удивился Василий. – Куды ни глянешь, ничто глаз не радует. Одна полынь да осока.

– Слышь, – Василий даже привстал, – а че ето за шум?

Алберда остановил коня и приподнялся на стременах.

– Кто-то скачет. Стой!

Он развернул лошадь и выехал на ближайший курган. Вдали увидел силуэты всадников. Те скакали по их следам.

– Василь, – почти крикнул Алберда, – за нами погоня. Татары что-то пронюхали. Вперед!

Скача рядом, он прокричал:

– У татар кони выносливее. Нам бы до ночи продержаться. А там они нас не найдут.

Но свежие татарские кони их настигали. Наши всадники поглядывали на предательское солнце, которое никак не хотело ложиться на боковую. Уже слышалась и лошадиная хрипота. Алберда снял с плеча лук, выхватил стрелу и, встав на стремяна, развернулся и натянул тетеву. Стрела запела, и через какое-то мгновение первый татарин взмахнул руками. Василий поддержал Алберду. Не напрасно он учился у лезгин.

Потеряв несколько человек, татары стали сдерживать коней и попробовали обстрелять всадников. Но их стрелы не брали это расстояние. Тогда они пустились на хитрость. Стали обходить с боков. Друзья выжимали из коней все, что можно. Но наступило мгновение, когда можно было прощаться с жизнью. Татары визжали от радости. Так глупо умирать не хотелось. Если бы за свою землю-кормилицу. А тут за что?

Но когда татары готовились захлопнуть свой «капкан», вдруг какой-то звук, похожий на шум урагана, быстро надвинулся на них. Это лавой шло бесчисленное количество тарпанов. Татары стали осаживать коней, чтобы, развернув их, спастись от этой непреодолимой силы.

Понял это и Алберда.

– Гони! Гони! – завопил он.

Коня спасли своих всадников, но сами упали один за другим. Друзья едва успели выскочить из седла.

И... наступила тишина. И... ночь.

Глава 10

Варшава была в трауре. Неожиданно скончался король Венгерский и Польский Людовик. Поляки жалели его, особенно шляхта, которой он дал большие права. Сам он почти не бывал в Польше, живя в Венгрии.

Король оставил в качестве наследника мужа своей старшей дочери Марии Сигизмунда, маркграфа Бранденбургского, сына чешского короля, потом ставшего немецким императором Карлом IV.

Но польская знать, напуганная усилением Литвы, хорошо понимая, что Сигизмунд не будет заниматься Польшей, как и его предшественник, отвергли этого наследника. На своем сейме они постановили присягнуть второй дочери короля Ядвиге. А мужа она выберет себе по своей воле.

Жених нашелся быстро. К тому же он был свой: Семовит Мазовецкий. Знать его приняла с восторгом. Начали готовиться к свадьбе. Да не тут-то было. Сигизмунд стал настаивать на выполнении завещания Людовика. Семовит вытащил саблю. Но как бывает обычно в жизни, в Польше нашлись и сторонники Сигизмунда. Началось кровопролитие.

Чтобы положить ему конец, в Краков, тайно от сестры Марии, прибыла Ядвига. Поляки восторженно встретили ее.

Вскоре явился и Семовит. Он вел себя надменно, вызывая, давая понять, что не допустит Ядвиги к управлению Польшей. Ядвига заявила во всеуслышанье, что лучше выйдет замуж за первого встречного нищего, чем за этого гордеца.

Многие поляки невзлюбили Семовита за то, что он издевался над теми, кто выступал против него. Они поддержали королеву. А Семовит вынужден был отступить.

Могучие польские князья, имевшие взрослых сыновей, один за другим стали устраивать балы, приглашая на них молодую королеву, втайне надеясь, что она остановится на одном из их чад. Отвергая женихов одного за другим, она вызвала подозрение. Тайна была открыта. Оказалось, что ее сердце давно уже принадлежит Вильгельму, герцогу Австрийскому, с которым она воспитывалась и полюбила его.

Польскую знать это в корне не устраивало. Фактически в Польше наступило междоусобице. А это вело к ослаблению власти с вытекающими отсюда последствиями. За событиями пристально наблюдали их соседи. Особенно в Литве. Там все после взятия Риттерсвердера как будто утряслось.

Витовт взамен Троцкого княжества, которое попало в руки младшего брата Ягайла Скиргайла, получил Гродненское княжество и ряд волостей. Его тщеславие в какой-то мере было удовлетворено, но он желал большего. Он давно вынашивал желание стать великим литовским князем.

Тщательно следя за событиями в Польше и зная чехарду с женихами, он пришел к мысли: «А не отправить ли туда Ягайла, чтобы он освободил для меня Литву?» Все взвесив, он заключил, что это ход правильный. С этим предложением он явился к Ягайлу. Выслушав Витовта, Ягайло обнял брата, пообещав, что выполнит все его требования. Вскоре посланцы Ягайлы были в Кракове. У них было много сладких для уха поляка обещаний: он примет их веру, выдаст пленных поляков, поможет Польше вернуть потерянные земли, присоединит к ней свои, привезет с собой большую сумму денег.

Когда Ядвига узнала об этом, она заявила, что видит в этих предложениях как полезные для Польши, так и неблагоприятные стороны. И она хочет в этом разобраться. При этом учтет пожелания вельмож. Усыпленные ее словами, они потеряли бдительность. А она, не теряя времени, послала верного ей человека к Вильгельму, наказав ему передать герцогу, чтобы тот срочно ехал в Краков, где они обвенчаются.

Неожиданное появление в Кракове Вильгельма всполошило знать. Быстро был собран большой вооруженный отряд. Когда Вильгельм направился в замок, его туда не пустили. Но это Ядвига не остановило. Она послала к нему служанку, которая сообщила, чтобы герцог прибыл во францисканский монастырь. Ядвига, переодевшись в служанку, с корзинкой в руках, вышла из замка. Наняв простую крестьянскую повозку, прибыла в монастырь, где и обвенчалась с любимым герцогом.

И вот их кортеж двинулся из монастыря в Краков. Но по пути он был остановлен. Несмотря на сопротивление королевы, их разъединили. Вильгельм под свист толпы бежал, боясь расправы. Королева была оскорблена таким поведением своего возлюбленного, ведь она не побоялась с ним обвенчаться. А он постыдно бросил молодую жену. Те чувства, которые она столько лет так берегла, так хранила, улетучились вмиг. Думать о случившемся она была не в силах. Ее окружила польская знать и требовательно предложила проехать в замок для обсуждения сложившегося положения. Она не возражала, но пожелала переодеться.

Большой зал замка был полон. Впереди сидели самые знатные вельможи. Особенно бросался в глаза постаревший князь Потоцкий. Он сидел с широко расставленными ногами, опершись на них руками. Взгляд исподлобья волчий, не сулящий ничего хорошего. Да и одет он был в черный плащ, из-под которого выглядывал черный кафтан с золотыми пуговицами. На груди виднелась толстая золотая цепь. На седой голове – черный колпак с бриллиантовой брошью. Таким одеянием он как бы показывал свою силу, строгость и безжалостность палача. А украшения свидетельствовали о его богатстве и могуществе.

Напротив него, на возвышенности, стояло тронное кресло, закрытое накидкой. Немое свидетельство того, что знать до конца еще не решила, кто его займет. А пока что королева должна была пользоваться простым креслом, стоявшим невдалеке от Потоцкого.

Ядвига вошла в зал, он встретил ее тишиной. Она была в зеленом, из дорогой греческой поволоки, платье, облегающем ее стройную девичью фигуру. Золотой пояс охватывал талию. Большие, выразительные глаза с длинными ресницами, тонкий прямой нос и яркие, четко очерченные губы делали ее лицо весьма красивым. Густые каштановые волосы ниспадали на ее узкие покатые плечи.

Но напрасно она стремилась своим прекрасным видом покорить этих мужей. Они давно уже распрощались со своей юностью. За долгие годы сердца их очерствели. В них сохранилась только жажда власти, богатства и желание все это сбросить.

Ядвига взглянув на трон и кресло, все поняла. Она безропотно села и проговорила:
– Панове, я жду ваших предложений.

Поднялся Потоцкий. В своем одеянии он походил на хищную птицу.

– Ядвига. – Этим словом он как бы подчеркнул, что она для них пока не королева.

Она это поняла и поджала губы.

– Общество желает, чтоб ты взяла в мужа литовского князя Ягайлу. Он принесет нам мир и придаст силу и мощь нашему королевству. А ты получишь имя нашей великой просветительницы, – сказав, он важно поправил усы и неторопливо сел.

– Волим! – взревел зал.

Ядвига поднялась и посмотрела в зал. Голоса смолкли.

– Мне сказывали, – заговорила она приятным, грудным голосом, – что этот князь варвар нравом и урод телом.

Зал зашумел. Опять поднялся Потоцкий и поднял руки. Крики смолкли.

– Ядвига, ты не права. Мы даем тебе право самой убедиться. У тебя есть верные люди. Пошли любого.

– Хорошо, – ответила она, – я так и сделаю.

Пока она выбирала верного посланца, вельможи, не теряя времени, отправили к Ягайле своего человека. Он встретил ее посланца ласково и учтиво. Вернувшись, посланец поведал

ей, что литовский князь наружностью приятен, даже красив и строен. Роста среднего, длин-нолиц, и во всем его теле нет никакого порока. Важен и смотрится государем.

Ядвига успокоилась и позволила убедить себя.

Узнав об этом, Ягайло стал собираться в дорогу. Перед отъездом он пригласил Скиргайло и дал ему пару советов: тайно забрать в Вильно Софью и отвезти в Троки. И следить, чтобы к ней никто не имел доступа и чтобы она не сбежала. Эту тайну хранить от отца, да и вообще следить за ним. Тут Скиргайло переборщил. Ему, конечно, придавало тщеславия то, что его брат стал королем. И в этом своем старании он дал Витовту повод думать о том, что он хочет извести его и действует по указке своего брата. И опять Витовт получил повод думать о том, что и Ягайло повел себя «не по-королевски». Он не дал грамоты на управление обещанными волостями. Когда Витовт с письмом, в котором излагал свои требования, послал человека к Ягайле, он схватил его и приказал пытать, требуя, чтобы тот выдал, что Витовт имеет сношения с московским князем.

Когда Витовт об этом узнал, то не стал дожидаться, чтобы его схватили, а бежал в Мазовию, к Семовиту, который не только не уважал Ягайлу, но и знать его не хотел. У него было достаточно войска, чтобы дать любому нападшему достойный отпор, но он сам не хотел нападать на негодея. Поэтому он с распростертыми объятиями принял беглеца, которому бежать было некуда. К тевтонцам не мог, Московия далеко... Но Витовт еще раз убедился в том, как Ягайло ненавидит Московию.

Витовт не особенно жалел о случившемся. Даже наоборот: был рад тому, что удалось уничтожить немецкую крепость, которая одной ногой ступила на его землю. В глубине души он понимал, что вернет утерянное княжество. Единственное, чего он не мог себе простить, это то, что не добился возвращения своей любимой и единственной дочери Софьюшки. «Где она?» – не выходило из его головы.

Княжна по-прежнему проживала в Вильно, в Ягайловом замке. Поздно вечером, закутавшись в плащ – на улице была прескверная погода, было ветрено и лил мелкий назойливый дождь, – она вместе со своей служанкой возвращалась из церкви к себе. Миновав ворота, ее молодые острые глаза заметили у дальней стены какой-то подозрительный экипаж. Ей показалось, что он словно от какого-то прячется. Сердечко ее от чего-то дрогнуло. Придя к себе и раздеваясь, она сказала об этом служанке.

– Ой, госпожа, не обращай внимания. Да мало ли зачем он стоит!

И все же Софья легла спать с тревогой.

Предчувствие княжну не подвело. В полночь ее неожиданно разбудила служанка.

– Госпожа, госпожа, вставайте. За вами пришли.

Она приподнялась и увидела через спинку кровати, что дверь открыта, а в коридоре, в свете факелов, толпятся воины. Все они были в масках и зловещих черных одеждах. Она воскликнула:

– Нет! – и, упав на подушку, закрылась с головой.

И тут она услышала тяжелый топот. Подошел кто-то сильный и здоровый, сгреб ее вместе с одеялом и понес к выходу. Княжна попробовала было освободиться, но воин крепко сжал ее. Ей стало больно. Соппротивление бесполезно: никто не услышит крики, никто не придет на помощь.

Под топот многих ног ее вынесли на улицу. Это она почувствовала по холодному воздуху. Потом произошла какая-то возня, и она услышала, как застучали колеса по мостовой. Ее куда-то везли. Она завопила:

– Куда меня везете?

Ответом было молчание. Тогда она вновь попробовала освободиться, но ее вновь до боли сжали.

Потом карету отчаянно затрясло. Но сон брал свое. Она порой словно куда-то проваливалась. Очнувшись, чувствовала, что бешеная гонка продолжается. Наконец под утро все стихло. Ее опять куда-то несли, потом положили, загремели шаги, и вскоре опять все стихло. Княжна еще какое-то время, боясь пошевелиться, полежала, затем осторожно вытянула руку наружу. Никто ничего не сказал. Тогда она сбросила с лица одеяло и увидела через слабый свет высокого окна, что находится в какой-то комнате с серыми неприветливыми стенами.

Отбросив одеяло, княжна поднялась и осмотрелась. Комната, в которой она оказалась таким странным образом, была обычной. Кровать, на которую ее положили, стояла у стены. Около окна стоял стол с толстыми четырехгранными ножками. Рядом два стула, таких же громоздких. У противоположной стены – поставец с несколькими дверьми.

Одетая в легкую ночную рубашку, она почувствовала, что начинает мерзнуть. Подошла к поставцу и открыла двери. Софья увидела, что там висела женская одежда: теплое нижнее белье, длинная рубаха, платья, кофты. Удивительно, но все подходило ей по росту. Невольно в голову пришла мысль, что ее давно готовились сюда перевезти. Но где она?

Дверь внезапно открылась и на пороге появилась немолодая женщина с подносом. Она молча прошла к столу, поставила поднос и, не сказав ни слова, скрылась за дверью. Загремел засов. Софья поняла, что она под стражей. Что-то толкнуло ее к двери. Она закричала, застучала кулаками и ногами по двери. Дверь гремела так, что казалось, поднимет мертвых, но никто не подошел.

Заплавав от досады, она села на кровать, закутавшись в одеяло. Со стола тянулся запах вкусной еды. Тем временем в комнате слегка посветлело, хотя за окном нависла серо-черная туча, орошающая землю по-осеннему мелким дождем. Такая обстановка порождала грусть и отчаяние. Пустой желудок все сильнее давал о себе знать. И Софья не выдержала. Она по привычке пошарила ногой под кроватью и нашла мягкие теплые чуваки. Надев их, Софья поспешила к поставцу, взяла оттуда теплую одежду и подошла к столу.

К своему удивлению и... радости, она увидела свою любимую еду: тыкву, запеченную с яблоками и политую медом, медовый темный пряник, творожник с медом. А в кувшине любимый сливовый отвар. Тяжелые думы куда-то исчезли, и она принялась за еду. Не успела Софья закончить трапезу, как в дверь кто-то постучал. Княжна соскочила со стула и бросилась к дверям. Но шагах в двух внезапно остановилась. Дверь отворилась, и на пороге стояла ее любимая служанка с ворохом одежды.

Встреча была горячей. Кинув одежду на кровать, Софья потащила служанку к столу.

– Давай ешь и рассказывай... – усадив прибывшую, сказала Софья.

– Да че рассказывать? – отламывая кусочек хлеба, произнесла служанка. – Ввалилось ко мне вот такое чудовище, – служанка развела руки, – и говорит: «Иди в комнату своей хозяйки, собери ее вещи и жди меня». Я так его напугалась. Господи! Душа ушла в пятки. Но... пошла. Собрала. Он схватил меня за руку и потащил на улицу. Там ждала какая-то колымага без окон. Меня втокнули туда... И вот я здесь.

– И ты не знаешь, где мы?

– Не-а. Мне глаза завязали и привели к твоим дверям.

– Ты пока ешь, а я попробую выйти в коридор.

Но двери были надежно закрыты.

Глава 11

– Че будем делать? – печальным голосом спросил Василий и опустился рядом с павшим конем. – Эх, братец, – сокрушенно произнес он, – прости меня, – и погладил его.

– Нам надоть бежать отсель, – сказал Алберда. – И как можно дальше. С рассветом татарва появится здесь. Они, брат, хорошо знают, че мы далеко на своих конягах не уйдем.

– Да! – согласился Василий, поднимаясь. – Тогда в путь. Куды пойдем? Я тут в твоём степу и дороги-то не найду. Хде Сарай-то? – спросил он.

– Сарай? Да он в той стороне. – И Алберда показал на юго-запад.

– Че, пошли? – И Василий шагнул в указанную сторону.

– Не туды, – остановил его Алберда, – а пойдем туды, – и показал на север.

– Че так? – удивился Василий.

– А они знают, че нам туды надоть. Вот и поскачут.

Они шли ходко. Алберда рассказывал тайны степи: как ориентироваться по звездам ночью, днем – по солнцу, по разным приметам. За разговором ночь пролетела быстро. Похолодало, и идти было легко. Темные тучи ушли, открыв дорогу лунному свету.

А под утро, взмокшие и уставшие, они присели отдохнуть. Василий тут же заснул.

– Эй, ты, – окликнул его Алберда, – держи.

Парень не откликнулся, и он вынужден был его толкнуть.

– Ешь, – сказал Алберда, подавая ему хлеб и вяленое мясо.

– Хорошо! – удовлетворенно сказал Василий, поев.

– Тише! – насторожился Алберда.

Он приподнялся и стал пристально оглядывать все вокруг.

– Ты че? – подвигаясь к нему, спросил Василий.

– Вродив, лошади. Пошли посмотрим, – и, согнувшись в три погибели, двинул вперед.

Через сто шагов они увидели лошину, а в ней несколько оседланных лошадей.

Сколько они ни смотрели, хозяев коней не увидели.

– Я пройду туда, – Алберда показал на заросшее кустами место, – а ты принеси хлеба.

Обследовав кусты, Алберда и там никого не нашел. Увидев крадущегося к нему Василия, поднялся во весь рост и крикнул:

– Подымайся, тута никого нет. Кони эти без хозявов.

– А где они? – спросил подошедший Василий.

Алберда пожал плечами:

– Погибли хде-то в степу, – кивнул на лошадей, сказал: – Пошли. Только осторожно. Дай-ка кусок хлеба.

Он взял хлеб и разломил пополам.

– Они должны его знать. – Глазами он показал на свой кусок хлеба.

Василий понял, что полуодичавших коней надо чем-то привлечь. А то сорвутся, только их и видели.

Почуяв хлебный запах, лошади тотчас направились к ним. Василий, поглядывая на друга, как тот осторожно подходил к коню, приговаривая: «Мой хороший...», стал делать то же. Вскоре мягкие теплые губы брали с ладони кусочки хлеба. Незаметно Алберда овладел уздечкой. То же сделал и Василий. Поправив седла, они оседлали лошадей.

– Теперь можно ехать и в Сарай, – заявил радостно Алберда.

В город они въезжали поздним вечером. На одном из перекрестков Алберда остановил коня.

– Ну, мне сюды, – и показал налево, – а те сюды...

Перед расставанием они обнялись и разъехались.

Ворота его хором были еще не заперты. А двор был пуст. Василий никого не стал звать, прыгнул с лошади и отвел ее на конюшню. Сам проследовал по проходу до поварни. Когда он вошел туда, повариха, что-то резавшая ножом, увидев княжича, испугалась так, что нож выпал из ее рук и вонзился в пол. Василий поднял его, положил на стол и попросил, чтобы его покормили.

– Да-да, щас, – пугливо ответила женщина и принялась собирать на стол. Появились блины, пироги, каша. Василий, разделавшись с едой, выпил еще холодного молока и пошел к себе. Сев на лежак, он стащил ногами чуваки и рухнул на постель. Проспал княжич почти двое суток.

Все это время, с утра до поздней ночи, у дверей толкался Кошка. Ему было, что сообщить княжичу. Пришла весточка из Москвы. А разбудило Василия громкое лошадиное ржание. То жеребец обхаживал кобылу и пел ей свои лошадиные серенады. Василий вскочил в испуге. «Неуж их нашли татары?» Он быстро, словно ожидая нападения, крутанул головой. И не мог понять: где он? «Какое-то помещение. А мы должны быть в степу. А где Алберда?» Потом до его сознания дошло, что он с Албердой расстался на перекрестке, и каждый поехал к себе. «К себе? – Василий провел глазами по опочивальне. – О, господи! Да это ж его...» И он чувствовал такой прилив сил, какого раньше не испытывал. И... внезапно проснулся у него страшный аппетит.

– Эй! – громко крикнул он. – Есть кто-нибудь?

– Есть, княжич, – раздался за дверью знакомый радостный голос.

– А, боярин? – проговорил он. – Вели мя накормить. – И добавил шутливо: – А-то ты проглочу.

– Бегу... княжич!

Пока собирали на стол, княжич взял первого попавшегося служку и повел за собой во двор. Подойдя к колодцу, он велел набрать шайку воды и облить его с ног до головы.

В едальню он вошел, расчесывая пятерней свои мокрые волосы, с улыбающимся свежим лицом. Боярин, видно было по столу, постарался.

– Садись со мной, Федор Андреевич, – княжич назвал его по имени и отчеству впервые за все время пребывания на чужой земле.

Видать, хоть малым, но угодил. Василий налил из кувшина, стенки которого покрылись водяными каплями, большой бокал студеной колодезной воды и без отрыва выпил.

– Ух! – когда кончил питье, выдохнул он.

Затем, обводя глазами стол, увидел зажаренного гуся. Он взял его, разодрал пополам и принялся уминать одну из половинок. Боярин, посмотрев на Василия, положил себе жареного в сметане, поковырялся в каше. Есть ему не хотелось. Он поглядывал на княжича, выбирая время, когда можно будет прочесть послание великого московского князя. Оно хранилось у него на груди. Посчитав, что момент удобен, он обратился к княжичу:

– Вели, княжич, прочесть те послание, че прибыло из Москвы, – и сунул руку за пазуху.

Он осторожно достал послание, разгладил на столе рукой и стал читать, отставив подальше от глаз:

– «По божьей воле и по нашей любви, божьей милостью, се яз князь великий Димитрий Иоаннович, московский и новгородский, и ростовский, и суздальский, и... иных, пишу тебе, сын мой Василий, и большим боярам Федору Кошке, да Ивану Квашне, да боярам Всеволож Димитрию, да Андрею Серкизовичу. С чевой-то хан потребовал с тебя, Василий, такую деньгу? Их в княжестве пока нету. Хан забрал нашу казну, пограбил и пожег многие города, народ голодует. Каждую копейку отдаем ему. Пушай скорее строятся. А иначе потянут по другим княжествам. Потерпи, сынок, Богом тебя заклинаю. А деньгу буду собирать и за тебя отдам. Дай срок. Кланяются тебе твоя матушка и братцы».

Княжич слушал, а лицо его суровело.

– Так. – Он отодвинул еду.

Ничего не сказав, поднялся и пошел. Кошка посмотрел ему вслед, пожал плечами, сложил княжеское послание и пошел за Василием. Но того уже не было в проходе. «Куды так быстро ушел?» – подумал Кошка и вернулся к себе.

А Василий направился к другу. Сообщение о том, что задерживается его выкуп, не сильно расстроило княжича. Он понимал, что ему, если что-то не предпринять, придется жить здесь долго.

Влетев в алберданский шатер, Василий застал там только старика. Потеревшись с ним щека о щеку, он спросил, где его «сынок».

– Моя не знат. Она собрался, обняла меня и сказала, сто сколо велнется.

Не было молодого Алберды и в последующие дни. Он как сквозь землю провалился. Вот подошло и воскресенье. Василию очень хотелось показать приобретенное у лезгин умение. Княжич надеялся до последнего, что друг придет на кулачный бой. Не хотелось верить, что его не будет. Борьба закончилась. Победил татарин. Подошла очередь кулачного боя. По тем голосам, что раздавались из толпы, многие надеялись на появление Алберды.

Битва началась, а Алберда не появился. Татары, видя отсутствие главного батыра противостоящей стороны, воодушевленные предчувствием победы, стали наступать на русских, и шаг за шагом те сдавали свои позиции. Василий не выдержал и ринулся в бой. Лезгины оказались хорошими учителями. Сильные удары, ловкие увертки делали свое дело. Татары почувствовали в нем сильного противника, который не одного из них вывел из боя. Его начали побаиваться. Кое-кто просто увертывался от встречи. Но находились и те, кто не хотел ему уступать. И хотя победа в конечном счете осталась за Василием, но ему пришлось не сладко. Левый глаз затек, правая скула распухла. Большая ссадина была и на лбу. И все же он поле боя не оставил. Воодушевлив своих, ему удалось повернуть татар вспять.

После боя Василий, не задерживаясь, побежал к старому Алберде.

– Давай, поколдуй, – показывая свою побитую физиономию, попросил Василий.

Старик понятиливо улыбнулся и принялся за свое «колдовство». Спать княжич остался у Алберды. Утром, когда явился к себе, многие не заметили следы побоев на его лице.

После этого боя Василий понял, что молодого Алберду он долго не увидит. Если увидит вообще. Княжич вспомнил его слова, что нужна деньга. «Может быть, мне надо было признаться, кто я и что приказал выкупить его Ольгу?». Но потом сам отрицательно покачал головой. Он понимал, что Алберда был гордым человеком, ненавидел мурз. А поэтому, узнав, что Василий – княжич, он бы обиделся на него и Василий потерял бы лучшего друга. «Ольгу Кошка постарается выкупить. Иначе она попадет куда-нибудь, откуда ее не вытащишь. А что мне делать? Сидеть в этих хоромах, сложа руки? Нет! А что делать?»

А утром он приказал позвать к себе Кошку. Боярин коротко отчитался, что пишет ответ князю и хочет спросить у Василия, что ответить великому князю.

– Ничего писать не надо. Я сам поеду в Москву, – внезапно заявил княжич.

Кошка просто ошеломился:

– Вас... э... княжич, неуж ты хошь, чтобы ты вели, как Кирдяпу?

– Кирдяпа – дурак, вот и попался. Ты подбери-ка мне человек десять надежных воинов. Им ничего не говори, как и другим. С ними я сам побеседую.

– И боярам? – уточнил Кошка.

– Я сказал: никому.

– Прости, княжич, я думаю, что в эту тайну можно посвятить Данило Бякоту. Но и Серкизовича обходить нельзя. Он сколькими делами доказывал свою веру. Думаю, он даст на дорогу хорошие советы.

Какое-то время Василий раздумывал, потом ответил:

– Похоже, ты прав. Как-никак он татарские обычаи знает. Позови его ко мне.

– Княжич! Боюсь, как бы не получилось, как с Кирдяпой или того хуже.
Василий усмехнулся.

– Волков бояться – в лес не ходить. Зови ко мне боярина.

Андрей Серкизович был сыном татарского царевича Серкиза, который вместе с сыном переехал в Московию. Его переезд на Русь был романтическим. К ханскому шатру пригнали большую группу захваченных в плен русских. Их готовили к отправке в Кафу и другие южные города на продажу. Хан Бердибек вышел на них посмотреть, так как они считались его рабами. С ним пошел и молодой царевич Серкиз. Идти он туда не хотел, но послушаться хана боялся. И вдруг в этой толпе он заметил девушку, которая смотрела на него с такой надеждой и так трепетно, что он не мог от нее оторвать взгляда.

Он подошел к хану и попросил продать ему девушку. Хан, только что взявший власть, был милостив и великодушно согласился. Царевич подал пример и мурзам, которые начали расхватывать товар. Хан был рад этому, потому что они платили гораздо больше, чем дали бы там, в далеких южных городах.

Девушку звали Анастасией. От природы мягкая, нежная, умеющая угождать, она покорила царевича. Вскоре он сделал ее своей женой. У них родился сын. Видя, что он выполняет любую ее прихоть, она начала постепенно готовить его к тому, чтобы он перебрался на Русь, убеждая, что ему там будет лучше.

Уговорить его помогли обстоятельства. Кулпа устранил своего отца Бердибека и стал новым ханом. Он в отличие от отца не доверял тем, кто родился с русскими. И царевичу с семьей пришлось бежать на Русь, где он был тепло встречен и обласкан отцом Димитрия Иоанном. Так на Руси появился родовитый боярин.

Андрей Серкизович мало напоминал татарина. Черные глаза со слегка уловимым татарским разрезом. Несколько скуластое, но удлиненное лицо. Взгляд умный, речь нетороплива, вдумчив. Главное – у него в Сарае оставались двоюродные братья и сестры. С ними он поддерживал дружеские отношения.

Кошка решил этим воспользоваться и отправил Андрея по родственникам с целью выяснения опасности, которые могут ожидать путников в степи, но сделал ему внушительное наставление, в котором проходила мысль – безопасность беглеца. «Чтобы, не дай господь, не надоумил их, что собирается бежать Василий». Серкизович был не дурак. Он и без Кошки понимал свою задачу. Он даже расширил ее. Степь страшна безводием. Но и там были места, где путник мог утолить не только жажду, но и взять запас бесценной влаги.

И в самом Сарае Кошка, Данило Бякота с Василием продумали все до мельчайших подробностей. Было решено создавать запасы подальше от города. Где – подскажет Серкизович, когда вернется. Его возвращения долго ждать не пришлось. Он подсказал, что безопаснее будет переправиться через Итиль, верст за сорок от города, вниз по реке. Там и сделать запас провианта и осторожно переправить его на правый берег.

– Но, – сообщил Серкизович, – у хана есть мурза Амартал, который хуже любой лисы. Он правая рука Тохтамыша, его глаза и уши. Амартал уже дважды спасал хана от смерти. У него везде есть нанятые люди, через которых он многое узнает.

– Ты, Андрей, молодец! – похвалил его Кошка. – А мы подумаем, как обмануть мурзу.

Они втроем решили, что с Василием должны пойти не более десятка человек о двуконь. Вторая лошадь для транспортировки запасов.

С лодией и рыбацкими снастями туда отправилась пара воинов. Они выбрали место напротив лесистого островка на Итиле. И принялись ловить рыбу для засола на зиму. Бочка быстро заполнилась. К счастью, прибыл первый груз. Бочки погрузили и повезли по городу.

«Пуцай думают, че москвитяне надолго остаются здесь», – думал Кошка.

Но вот последние мешки с овсом на месте. Там, на островке, собралось уже более половины сопровождающих.

Провожали Василия и его оставшихся воинов Кошка, Бякота и Серкизович. Отъезжали они глухой ночью. Перед тем как оседлать коня, Василий, глядя на небо, перекрестился. Оно было затянуто облаками. Он счел это хорошим предзнаменованием. Княжич обнял на прощание бояр и тронул коня. Но остановился и позвал Кошку.

– Федор, – и наклонился к нему, – помни об Ольге. Сделай все, как я сказал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.